

A photograph of a soldier in camouflage gear operating a self-propelled artillery piece, possibly a 2S19. The gun is firing, with a large plume of dark smoke rising from the barrel. The scene is set in a field with bare trees and a cloudy sky. In the foreground, there are several large, yellowish cylindrical objects, likely spent shells or components.

Михаил Белозёров

**УКРАИНА
ТОЧКА
RU**

Михаил Белозеров

Украина.точка.ru

«Остеон-Групп»

2017

Белозеров М.

Украина.точка.ru / М. Белозеров — «Остеон-Групп» , 2017

События настоящего времени. Война на Востоке Украины.
Диверсионная группа ДНР находится в Киеве. Очень быстро из
восьми человек погибают пятеро. Главный герой ищет предателя и в
конце концов понимает, что его нет.

© Белозеров М., 2017

© «Остеон-Групп» , 2017

Содержание

Глава 1. Бежала собака	6
Глава 2. Капитан Игорь	33
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Михаил Белозёров

Украина. точка. ru

Роман – жене в подарок

Героям Новороссии посвящается

Зачем иду я воевать? Чтоб самому себе не врать!
Юрий Юрченко

Глава 1. Бежала собака

Сразу после дождя выглянула луна, и блестящая дорожка легла вдоль улицы. Грязь отливала серебром, и это ему не понравилось, он вздохнул и сел терпеливо ждать. Когда-то ж она скроется, с неприязнью думал он о луне. Мысли текли привычно и неспешно. Всего-то делов, перебежать в сквер перед стадионом, а там сам чёрт не брат. Охотиться в полнолуние – не самая лучшая пора, но деваться некуда. Пахло давнишней гарью и почему-то кошками. Эти запахи неотрывно преследовали его с тех самых пор, как он поклялся выполнить свою миссию. «Ты у нас особенный, – смеялись многие, даже те, которых уже не было в живых; он вспомнил их лица так, как вспоминают давно ушедших родных, почти без эмоций, с болью в груди. – А нам только каштаны снятся, – беспечно дурачились они». Каштаны в этом году на Крещатике не цвели. Не до весны им было, как впрочем, и людям. Хорошо, если к его возвращению Пророк и Жаглин приготовят борщ, а то всухомятку надоело питаться. И вздрогнул: оказывается, в тот момент, когда начал проваливаться в сон, на блестящей дорожке возникла собака.

Она была похожа на призрака, и он готов был поверить в него, если бы не шевелящиеся кончики ушей и блестящая мочка носа. Собака понюхала воздух и двинулась к ближайшему труп, который чернел у поребрика. Грязь под её лапами заискрилась серебром, а мокрая шерсть отливала, как кольчуга. Такие собаки были только у пиндосов. Значит, сбежала, решил он и нервно вздохнул. И вдруг она его почуяла, оскалилась, зарычала, а потом, отскочив в сторону, кинулась галопом в тень высотки.

«Фу», – выдохнул он, потому что на собаке действительно была кольчуга, защищающая горло, бока и живот. Он проводил её взглядом и на мгновение даже позавидовал: мне бы такую свободу. К счастью, собака его спасла. Это он уже погодя сообразил, что вначале выдала, а потом спасла, потому что шарахнулась и от высотки, в уцелевшие окна которой светила вездесущая луна, и от черневших остовов машин на дороге. Ого, сообразил он, да за мной охотятся! Там, в развалинах, сидел человек.

Мы так не договаривались, решил он в той насмешливой манере, когда думал о себе в третьем лице, и поднялся. Был он среднего роста, широкоплечим, ловким, быстрым, таким быстрым, что о нём говорили: «Ветер, а не человек». Лицо и руки у него были вымазаны чёрным, и он ничем не отличался от ночи в «балаклавке» и в своём комбинезоне «номекс». Этот комбинезон, удобный, как собственная кожа, он выписал через интернет и очень им гордился. По неписанным законам тактики надо было сразу уйти, как всегда, собственно, он и поступал в таких случаях, но на этот раз он остался. Ему стало интересно: ещё никто не выслеживал его, стало быть, это признание твоих заслуг. Он почувствовал, как трепещут его ноздри и как дрожат кончики пальцев, заставил себя расслабиться и, как хорошая борзая, обратился в слух.

Вначале он ничего не слышал, кроме шелеста листвы, когда тёплый ветер налетал издали, через Днепр, Русановку и Лавру, а потом уловил, как звякнуло стекло. Именно, из-за этого стекла, которое было рассыпано под ногами он и не ушёл: одно дело, когда ты «пополнил небесную сотню», как они любили говорить за кружкой чая, другое дело, когда противник во всеоружии ждёт тебя или ищет. Ищет – это даже лучше – меньше хлопот, а стекло выдаст всегда, от стекла под ногами никуда не деться. Оно всегда выдаст. На этот раз оно тоже не подвело. Кто-то двигался левее, почти до «травматологии», держась обочины, а в тот момент, когда вошёл в развалины, стекло звякнуло второй раз. Образно говоря, человек вообще топал, как медведь, понимая, что маскироваться не имеет смысла. Что же им ведёт? – с любопытством подумал он, и вытащил нож. У него была острая, как бритва, самоделка из отличной стали, и другого оружия он не призвала. Артистизм охотника заключалось в том,

чтобы выследить противника и, несмотря на все препоны, используя хитрость и сноровку, достать именно таким оружием. «Мазохист, – смеялись над ним, – возьми «американца», – имея ввиду винтовку М-16 с глушителем – или нашу СВД с ночным прицелом, горя знать не будешь». «Нет, – отвечал он им с тайной гордостью, – с этим надёжнее и хлопот меньше». Тем паче, что его трофеи были не хуже, чем у других, а таскать с собой «оглоблю», значило, не уважать в себе следопыта. Следопытство стало его призванием, он только сейчас это понял.

Последние метров десять враг двигался по всем правилам тактики, против часовой стрелки, да так осторожно, должно быть, с пятки на носок и тщательно выбирая место, куда ставить ногу, что его почти не было слышно. Значит, не знает, с кем, конкретно, имеет дело, подумал он, это облегчает задачу. Однако задача, стоящая перед врагом, была куда грандиозней: обыскать в развалинах каждый из закутков, которые пахли гарью и кошками. Скорее всего, он оглядывался при каждом шаге, и каждый раз сердце у него замирало от страха, но он всё равно пришёл, значит, кое-что понимал в своём деле и надеялся не только на удачу.

В одном из таких закутков он и затаился, причём в самом центре, там, где колонны отбрасывали чернильную тень, и миновать его нельзя было никак, разве что если страшно повезёт. Ну да не будет же противник переться по краю, это был бы совсем глупо, подумал он. Нож лежал в руке удобно, словно был её продолжением.

Он уже ощущал его прерывистое дыхание и приготовился, но в последнее мгновение враг замер, предчувствуя свою смерть; и он так долго вслушивался в тишину ночи, что, казалось, тот ушёл, испарился. И рука с ножом затекла, и стоять стало неудобно; и тут враг сделал свой последний шаг.

Если бы у него был укороченный АКС74, то ничего не вышло бы, но у него оказался обычный «калаш» с длинным стволом, ибо ни один уважающий себя бандерлог не будет воевать в городе с коротким оружием. И это оказалось его ошибкой.

Он шагнул навстречу, дёрнул ствол вбок и увидел, как глаза у врага расширились от ужаса, а потом просто чиркнул ножом, и горячая кровь ударила ему в лицо с такой силой, что он невольно сделал плотательное движение, и кровь врага попала ему в желудок. Его мотнуло в сторону и вырвало желудочным соком, чужой кровью и всем тем, что он не успел переварить, и пока он справлялся с собой, бандерлог, хрипя, отдал концы.

Это оказался сотник – он нашёл у него советскую сотенную купюру, разорванную десятку и банковскую карту. Разбираться не было времени. Забрал оружие и ушёл тихо и незаметно. И пока пробирался сквозь развалины, так ему захотелось домой, так он соскучился, что ноги сами едва не понесли его на восток.

* * *

– Цветаев! – дико и радостно закричал лобастый Пророк, стоя с ложкой у плиты, – где ты, блин, ходишь?! Мы уже слюной изошли! Водка плачет!

Он повернулся, улыбнулся криво разбитыми, как у боксёра, губами: говоря тем самым, я твой друг, знаю, где и зачем ты ходишь, и кричу от радости, а не от злости, и баста, и ничего здесь не поделаешь, но всё равно кричу и буду кричать, таким уж я идиотом уродился.

Сильно пахло, казалось бы, самым невероятным – пельменями, укропом и... водкой. Кажется, они её уже истребили, потому что были возбуждены сверх меры.

– Старик, а мясо откуда? – удивился Цветаев, плюхаясь на скрипучий диван.

Это было ошибкой: тут же, будто с потолка, прыгнула усталость, веки сделались тяжёлыми, голова качнулась вбок, и фантасмагория из обрывков всего, что он сегодня пережил, коснулась его правым крылом, если бы – левым, было бы ещё хуже, потому что левое было сентиментальным, и он принялся бы вспоминать свою жену Наташку, её улыбку, её тело,

а так обошлось всего лишь трезвым правым, не связанным с прошлой жизнью. Автомат, который он притащил, сам собой выпал из рук. Он вздрогнул, поднял его и ткнул в угол, где стояли «трофеи». Должно быть, это его и спасло.

– Мясо?.. – иронично переспросив, оглянулся Жаглин. – Кошку поймали, ляха бляха! – И заржал, как конь.

Он незаметно дегустировал эту самую водку, закусывая солёными огурцами, которых у них были в избытке – целый погреб на первом этаже в тридцать седьмой квартире. Даже ключ не понадобился: заходи в любую, бери что хочешь, анархия – мать порядка. Город, обращенный в пустоту, покинутый всеми, кроме львонацистов, бандерлогов и разного сброда, предоставлял широкие возможности. И мы тоже сброд, тяжело думал Цветаев, неприкаянные, не от мира сего, забытые и брошенные в пустоту, летим себе неизвестно куда и зачем. Когда это всё кончится? Во рту, как после долгого сна, появился кислый вкус.

Цветаев посмотрел на влажные губы Жаглина, на его физиономию, излучающую глуповатое добродушие, и понял, что Сашка балагурит. Хохмачом был он, неисправимым и радостным до отвращения. В марте при большом стечении народа вызвался охранять Пророка да так с ним и остался, и пока ему везло, получил он всего лишь одно ранение и теперь ходил с гипсом на руке. Самого Цветаева ранили три раза, последнее оказалось по касательной в грудь, не смертельное, но дюже чесалось, даже после того, как Пророк со своими прибауточками зашил его, как коновал, грубо, без наркоза под хихоньки и хаханьки Жаглина. Шрам до сих пор чешется.

– Купили, – успокоил его Пророк, то бишь Антон Кубинский. – За два «трофея» в Святошино.

Врут, подумал он, с удовольствием вслушиваясь в их голоса, не в силах расспросить о подробностях, ясно было одно, что они, пока он сидел в засаде, тоже не били баклуши. На войне чем быстрее обживаешься на новом месте, тем больше шансов выжить. Однако причин сомневаться в их честности у него были, потому что Святошино далеко и дотопать туда, понятно, целая проблема, хотя он один раз сам ходил туда. Рисковал, можно сказать, но и сидеть на одних овощных, на котлетах из хлеба и бумаги, на бич-пакетах¹ сил не было. Именно «ходил», потому что только так можно было передвигаться, не привлекая к себе внимания: все машины досматривались львонацистами, а их владельцев тщательно проверяли.

– А борщ есть? – разочарованно спросил он, не доверяя своему обонянию.

Ему почему-то захотелось именно борща со сметаной, чесноком и с куском чёрного, кислого хлеба – так, как готовила его жена, ну и со стопкой водки, разумеется. Водку он не особенно любил, хотя мог выпить много, не пьянея, была у него такая особенность, поразжающая несведущих людей.

– Голод полезен для души, но борщ тебе будет! – великодушно пообещал Кубинский. – Завтра, мяса много, – и подмигнул, что означало крайне дружеское расположение.

Хорошее у Кубинского было настроение, потому что где-то недалеко он прятал свою жену Ирочку и ходил к ней каждый раз, как на первое свидание. Это было тайной, знал об этом только один Цветаев. Даже Жаглин не знал, а он знал.

– Ладно, – сказал он, таращась через силу. – Наливайте.

– Ты себя в зеркале-то видел?! – хором спросили они, и смех долго звучал в их голосах.

Цветаев посмотрел на живот, на руки, на залитый кровью «номекс». Подвигами давно уже никто не хвастался, подвиги стали их образом жизни, тяжёлой и опасной работой, подвиги существовали только для продажных журналюг и алчных политиканов. Их бы в нашу шкуру, часто думал он в момент слабости, они бы взвыли.

¹ Сублимированная еда.

– Ах, да... – спохватился он и поплёлся умываться, присел на край ванны да так и заснул.

Приснилось ему, как он пришёл на работу в центр метрологии к жене Наташке, а ему сказали, что она взяла больничный и ушла домой. И он в предвкушении встречи, тоже погнал домой и даже успел постучать в дверь, за которой стояла его любовь, как кто-то дёрнул его за рукав, и он, мотнув головой, чуть было не кинулся на противника, но вовремя признал в нём Кубинского, протягивающего рюмку водки. Это уже было наяву.

– Пей! – потребовал Кубинский.

Цветаев посмотрел на Пророка, на его изуродованное, несимметричное лицо, хотел подмигнуть и вдруг понял, что никуда отсюда не уйдёт, пока этот тип не отпустит. А не отпустит он его ещё долго, до полной, окончательной победы, что было не так уж плохо, главное было верить в эту победу. Он опрокинул в себя водку и даже не почувствовал вкуса, всё ещё пребывая между реальностью и пленительным миром грез. Любил он свою жену и испытывал по отношению к ней острое чувство вины, потому что бросил её на произвол судьбы и подался сюда. Что с ней теперь, он не знал. Связи не было, подать весточку было невозможно. И только одно её существование грело его душу. «Не пиши мне в Порт-Артур – нету адреса...»

Тем не менее, водка сделала своё дело. Цветаев ощутил прилив сил, короткий сон взбодрил его, и он поднялся. В зеркало на него глянуло залитое кровью лицо. «Номекс» оказался безнадёжно испачкан. Он ощутил на губах чужую кровь, и его снова стошнило желчью, водкой и желудочным соком. С минуту он в тоской разглядывал дно грязной ванны, а потом с брезгливым чувством содрал с себя комбинезон, «балаклаву» и принялся умываться. Маскировочная краска, которую они делали из жженой пробки и косметического крема, смывалась с трудом, и ему пришлось трижды намылить лицо, прежде чем оно стало белым, но под светлыми волосами и за ушами всё же остались чёрные полосы. Не было сил возиться, и он, напялив джинсы и майку, вернулся к столу, на котором уже стояла чаша с дымящимися пельменями в сметанной шапке и наполненные рюмки. Раньше они пили из кружек с облупившимися краями, а потом Сашка Жаглин нашёл в соседнем доме хрустальные рюмки, и теперь ими пользовались исключительно из эстетических соображений.

– За «наших»! – как всегда, с непонятным чувством сказал Пророк.

Он всегда говорил так, что на душе оставался осадок недосказанности. Трудно было понять, что он имел ввиду, но наверняка – право на истину, на ту истину, в которую они свято верили.

Выпили. На этот раз водка показалась божественным напитком, и Цветаев окончательно пришёл в себя.

– Когда же «наши», ляха бляха, наконец?.. – спросил Жаглин, жадно глотая горячий пельмень и вопросительно поглядывая на Антона Кубинского, – в углах рта гуляла кривая ухмылка.

Он был здоровым и рыхлым, имел, как у негра, большие губы и маленькие заплывшие глазки, в которых засела деревенская хитрость. Родом он был из-под Мариуполя и попал под раздачу майданутых ещё до возникновения республики, поэтому имел злость на них, но за что конкретно, не рассказывал. Ясно, что не за что хорошее.

– Чего?.. – спросил Пророк брезгливо, делая вид, что не понял.

– Когда придут, ляха бляха?! – наклонился вперёд Жаглин.

Этот вопрос мучил их так давно, что они забыли, как на него правильно отвечать, и страдали от его неразрешимости. Всем хотелось быстрее и надёжнее, а так не получалось, получалось, через пот и кровь.

Цветаев любил эту их извечную пикировку: Жаглин искусно поддевал, а Кубинский искусно держал оборону. Для него же и так всё было ясно: когда надо, тогда и придут, и

баста! Путин не дремлет! Путин не предаст, думал он со свойственным ему долготерпением. Путин обрушит США если не с помощью нефтедоллара, то с помощью «Тополя». Скорее бы, думал он. В Путина он верил, как в самого себя. Никудышные у него советники: пока не начались политические игры, почему-то этот мужик дальше не двигал, а от этого зависела их с Жаглиным и Кубинским жизнь, и от этого же всем было грустно и всех одолевала сомнения.

Всё дело заключалось в том, что Кубинский знал несколько больше, чем они, однако, лишнего не болтал. «Если тебя схватят, тебе него будет сказать», – объяснял он, честно глядя в лицо собеседнику, так что ни у кого не возникало чувства неполноценности. Просто он хотел передать им на уровне живота ещё что-то, а они его не воспринимали всерьёз. Для них это всё была игра, пускай смертельно опасная, но всё ещё забавная игра. Не понимали они чего-то. А он через эту грань уже прошёл и смотрел на них, как на недорослей.

Он был смертником. Не таким смертником, как они, а целенаправленным смертником. У него на лбу было написано, что он пойдёт до конца, поэтому их недооценивал, а они в свою очередь все его претензии пропускали мимо ушей. Кубинский имел право на претензии после того, что с ним сделали в СБУ², и требовал, чтобы все остальные понимали его. А мы не понимаем, весело думал Цветаев, не потому что не хотим, а потому что не умеем, чего-то нам не хватает, а чего, я сам не знаю. Мы ещё слишком молоды, чтобы понимать, мы ещё мечтаем, мы ещё пацаны. Сам он мечтал только о жене, Кубинский ни о чём не мечтал, Кубинский был поглощён своей Ирочкой, а о чём мечтал Жаглин, никто не знал. Жаглин был тенью Кубинского. Это и был тот самый неоспоримый факт, который существовал сам по себе и пока никем до сих не был оспорен.

– Когда придут, не знаю, – буркнул Пророк, что означало, отвяжись, не до тебя, но чтобы не выглядеть грубым, обезоруживающе улыбнулся.

Жаглин всё понял и заткнулся, хотя ухмылка ещё долго не сходила с его толстых губ. Хорошее у них чувство юмора, решил Цветаев, мне б такое, но, как всякий одиночка, чувствовал дистанцию даже с другом, потому что друг его стал начальником, большим начальником, в большом звании. Мысленно Цветаев всегда был со своей Наташкой, и это единственное, что придавало ему силы, а всё остальное: неудобства быта, дрянную погоду и «грязную» работу он терпел, и силы пока были.

– Тоша, я что-то нашёл, – он выложил на стол ту самую рваную купюру, которую взял у сотника, ну и саму сотню, естественно, чтобы они не подумали, что он привирает, а банковскую карту оставил на закуску.

– Совсем ничего не боятся, – удивился Пророк. – С документами ходят.

– С какими документами? – не понял Цветаев и замер с пельменем в зубах.

Он полагал, что Пророк обрадуется сотне. Ведь она означала, как минимум, что одним сотником меньше, однако, Пророк почему-то в первую очередь занялся десяткой:

– Вот этими самыми! – Он потряс рваной купюрой. – Серия заканчивается на тридцать один.

Цветаев вспомнил, что тридцать первая сотня стояла на майдане, на которой для красивого словца не раз приводилась к продажной казацкой присяге, они там до сих пор стоят, не понятно, зачем. Как говорил Краснов: «Для красивого словца и продажной прессы». К ним возили ОБСЕ и показывали, какой правый фронт из УНОА³ стойкий – всё развалилось, а они стоят, и хоть бы хрен по деревне. Тридцать первая сотня, в отличие от двадцать четвертой, не была замечена в зверствах. Это двадцать четвертая сжигала людей с юго-востока в крематории на Оранжевой, поэтому существовал негласный приказ двадцать четвер-

² Служба безопасности Украины.

³ Украинская национально-освободительная армия.

тую в плен не брать. Однако поди разберись, у них на лбу не написано, кто из какой сотни. Подобные приказы были чистой формальностью, в плен и так никого не брали.

По всей вероятности, Краснов погиб, когда отправился на Оранжевую. Зачем он туда пошёл, никто не знал. Только Кубинский однажды проговорился: «Пошёл посмотреть, где сожгли его товарищей». Он только не добавил слово «в тоске». И Цветаев понял, что речь шла о тех «беркутовцах», которые не встали на колени и не поклонились майдану. Краснова ранили двадцать первого февраля. Его поместили в госпиталь МВД, но там ему не могли оказать помощи, там тяжелораненные лежали в коридорах и на лестничных клетках. Перевезли в гражданскую больницу. Утром стало известно, что её собираются штурмовать бандерлоги. Доктора испугались: «Езжайте к своим! – твердили они, как мантру. – Езжайте быстрее!» Выгнали за ворота с бумажкой в зубах, на которой ещё не высохла печать. Ещё более перепуганный таксист посмотрел на обожженного Краснова, на остатки его формы и, прежде чем уехать, открестился: «Правый сектор останавливает машины! Башку проломят!» Помогла совершенно незнакомая женщина, которая вывезла Краснова околицами на полустанок, где он сел на электричку и сутки добирался полуживым до Симферополя, получив в результате «рожу» на ногах и правостороннюю тугоухость от контузии. Слух постепенно восстановился, хотя и не до прежнего уровня, а вот с «рожей» пришлось повозиться пару месяцев. Однако с правой стороны лучше к нему было не подходить, мог дать в морду без предупреждения.

– Ну и что?.. – спросил, ничего не поймав, Жаглин, – ляха бляха!

– Старик, это не сотник...

– А кто?.. – безмерно удивился Жаглин, забыв добавить своё извечное: «ляха бляха».

Его искренность казалась на грани наивности. Он вообще много удивлялся, и одно время Цветаев подозревал его в легкомыслии, пока Жаглин не сходил на Бессарабский рынок и не принёс три автомата и кучу рублёвок. Подвиг, кстати, не повторенный никем и кое у кого вызывающий сомнения.

– Сотня это так, для рядовых, чтобы уважали и чтобы психа не включали, – сказал Пророк. – Не знаю, может, Жека пиндоса завалил, а может, «пшека».

Он вопросительно уставился на Цветаева и сам же ответил:

– Надо было вначале у него фамилию спросить, – и подмигнул, как показалось Цветаеву с упрёком.

– Кто же знал?! – он не любил оправдываться, но пришлось. – Фото я успел сделать! Слушай, а ведь он старым был... точно, старым!

Только сейчас у него перед глазами промелькнуло лицо с тяжёлыми морщинами на лбу, но самое главное – реакция. Реакция у человека оказалась запоздалой. Не должен профи подарить ему того мгновения, когда их взгляды встретились. Был у него шанс, но он этот шанс упустил.

– Фото, это хорошо, – всё тем же пугающим тоном сказал Пророк. – Рисковый ты парень, – добавил он, но так, что Цветаеву стало не по себе.

Где-то и в чём-то он совершил ошибку? Разве Пророку угодишь? Не достиг я ещё совершенства, подумал он с неясной тоской и согласился:

– Что есть, то есть. Знал бы, на себе припёр бы.

Сдох, но припёр бы, решил он с таким ощущением, словно сделал уже это. Его опять стали мучить сомнения в профпригодности. Может, действительно, автомат взять? Дюже простое всегда кажется сложным, пока ты боишься или сомневаешься.

– Разберёмся, – заверил его Пророк, скачивая фото себе на мобильник.

И Цветаев почувствовал, что виноват, так виноват, что его во веки веков никто не простит. Злость всколыхнулась в нём холодной волной, и он испытал сильное чувство неприязни к Кубинскому.

– Чем-то на нынешнего Макаревича похож, – высказался Жаглин, разглядывая фото. – Ляха бляха!

– Точно, – через силу обрадовался Цветаев и снова с ненавистью посмотрел на Пророк. Пророк ничего не заметил. – А я думаю, ну, где я его видел? – сказал Цветаев. – У него ещё банковская карточка была.

Пророк взял карточку.

– Алекс Фогель, – прочитал он. – Это уже кое-что! Жаль, кода не знаем.

– Знакомый, что ли? – ехидно поинтересовался Жаглин, с жадностью поглощая горячий пельмень.

– Сдаётся мне, ты действительно завалил не сотника, а профи из «чвашников»⁴. Надо уточнить.

– Не может быть, – буркнул Цветаев, попадаясь на дешевую лесть. – Дался легко.

Злость отпустила его, как рак, ухвативший за палец. Вместо неё пришли апатия и усталость. Он принялся жадно есть. Пельмени были сочными, и сами собой проскакивали в желудок. Но особенно хороши они были с бочковыми помидорами, прямо елей для души, а не пища.

– И на старуху бывает проруха, – высказался Пророк.

– А почему немец? – спросил Жаглин, вытирая усы.

Пророк только пожал плечами, давая понять, что вопрос не к нему, а к создателю.

– Фото сотри, – посоветовал он, возвращая Цветаеву телефон.

– А сам не боишься? – спросил Цветаев, демонстративно пряча телефон в карман, и почесал шрам на груди.

Плевать на опасность, решил он назло Пророку.

– Сам не боюсь, – на этот раз с вызовом заверил его Пророк.

Он вечно ходил куда-то с этими фотографиями и получал инструкции, что и как делать, а потом Цветаев отправлялся на задания и совершал подвиги.

– Да за тобой охотились серьёзно, ляха бляха! – наконец-то сообразил Жаглин. В его голосе прозвучали нотки зависти, гипс не давал ему возможности участвовать в операциях. – А мне одни рядовые попадают, – Жаглин кивнул на подоконник, где стояла банка, на три четверти полная рублёвок.

– Будет и на твоей улице праздник, – почему-то зло среагировал Пророк, и скулы его стали твёрже. – Если по всем правилам, то «сетку» накинута. На весь город сил у них, конечно, не хватить, а на наш район достаточно, или будут накидывать на каждый по очереди, пока не добьются результатов.

До этого они, чтобы далеко не ходить, облюбовали нижнюю часть Липок, на Кловском спуске. Оттуда страха ради пришлось уйти после того, как пропал Орлов. Никто не верил, что он предаст, но Пророк был непреклонен: «Устав писан кровью! И баста!» Чёртовы принципы Пророка! Поэтому они поднялись на два квартала выше, под скворечню белых ворон, Гончара, 30. Орлов об этой квартире не знал. Знал только одни Пророк. Все планы были у него в голове, а записей он принципиально не вёл.

Он потянулся и бросил в банку сотню, а потом налил водку.

– Что толку... – отозвался Цветаев, с огорчением понимая, что особо гордиться нечем.

Ложная это была гордость. Не для этого они здесь сидели, чтоб допускать такие промахи. Он только сейчас сообразил, что рядовой бандерлог не стал бы никого отслеживать. Рядовой трясётся от страха в развалинах до утра. Чёрт! – он всё понял. Надо было самому догадаться, что немец нужен был живым.

– Ладно... – согласился он униженно, – я завтра снова туда пойду.

⁴ ЧВА – частная военная армия.

– Не пойдёшь! – заверил его Пророк. – У тебя новое задание.

– Какое? – с недоверием спросил Цветаев и в знак протеста со стуком поставил рюмку на место.

И опять глухая злоба поднялась в нём. Ох, как он не любил себя в таком состоянии и гасил подобные вспышки, понимая, что на войне они неизбежны и что как бы ты хорош ни был, всем не угодишь, особенно Пророку.

– Пока не знаю, – хитро ответил Пророк и снова подмигнул, но на этот раз Цветаев сделал вид, что не заметил его реверанса. – Ладно, давай, рюмка – не микрофон.

Третий тост был за тех, кто не вернулся, и они выпили стоя и молча, не вытирая губ. И снова перед ним промелькнула череда лиц всех тех, кто погиб, и Димы Краснова, и Политыкина, и Генки Белоглазова, который казался старым и не сберёг себя, и Андрея Сергеева из Песок (его дом стоял над рекой Волчьей), он не умел говорить по-украински и, похоже, на этом попался, и конечно же, Гектора Орлова, с которым Цветаев дружил и учился в одном классе, а потом часто пересекался в компаниях. Орлов пропал при невыясненных обстоятельствах, и Цветаев чувствовал, что Кубинский считает Орлова дезертиром, но не говорит об этом. Он не упоминал также по понятным причинам третьего друга – Лёху Бирсана, вычеркнул его из памяти, словно его и не было с ними ни в школе, ни потом, когда на Востоке началась революция. После истории с Орловым они не ходи на задание толпой, а действовали исключительно по одиночке. Существовала, правда, маленькая надежда, что кто-то жив, просто не может подать весточку. Каждый раз, согласно принципам Пророка, они меняли явку, и каждый раз Пророк мрачнел всё больше. «Думаете, мне ждать надоело. Никому не надоело, а мне надоело?.. Самый хороший учитель в жизни – опыт. Берёт, правда, дорого, но объясняет доходчиво. Так что не валяйте дурака». После таких слов с ним никто не хотел спорить, и все чувствовали себя идиотами.

Они высосали бутылку и проглотили все пельмени. В тарелке остался мутный бульон с перцем. Цветаев наклонился и выпил бульон, и ощущение сытости наполнило его. Глаза стали слипаться, мир сделался фрагментарным: момент, когда между бровей у Пророка легла тяжелая складка, Цветаев пропустил.

– Какой сегодня день? – вдруг спросил Пророк, мрачней с каждой минутой всё больше и больше.

Рваная губы дёрнулась, и в глазах появилась тоска. Завёлся Кубинский, тяжело думал Цветаев, с трудом разлепляя веки. Теперь будет злиться на весь белый свет. А куда деваться? Он сам себе слово дал биться до полной, абсолютной победы, и мы за компанию с ним тоже слово дали, но от этого мы не стали хуже или лучше, мы такие, как есть, мы такими были всегда и, надеюсь, останемся такими же впредь.

– Суббота.

– Чётная или нечётная?

– Чётная, – уверенно ответил Жаглин, в надежде, что Пророк посвятит его в свои тайны. Он усердия он даже вытянул шею и замер.

– Так, – поднялся Пророк, не обращая внимания на него и глядя поверх голов, – я пошёл, – сказал он, забирая рваный червонец.

У него действительно был большой лоб не только в физическом плане, но и в плане пророка. Пророк предсказывал будущее, и с его слов оно казалось лучезарным. Трудно было в это не поверить, ещё чуть-чуть усилий, ещё чуть-чуть, и ещё, и ещё, и мы победим – так говорил он.

– Куда, ляха бляха?! – удивился Жаглин.

Последнее время Пророк не брал его с собой. Жаглин мучился догадками. Это была мужская ревность к обстоятельствам, о которых Жаглин даже не подозревал.

– На свидание, – буркнул Пророк.

Естественно, что ему никто не поверил: Жаглин, потому что ничего не понимал, Цветаев, потому что понимал слишком многое. Теперь будем охотиться исключительно на наёмников, догадался он, вот в чём суть. И короткое чувство гордости наполнило его как первооткрывателя, хотя он на них уже охотился, но об этом никто не знал, а он, как и Пророк, не был болтливым.

– Вот так всегда... – буркнул Жаглин, провожая взглядом Пророка, – доброго слова не дождёшься.

– А я на боковую, – сказал, поднимаясь, Цветаев.

Ему-то что: он-то знал правду. Но Жаглину об этом говорить было нельзя. «Что знаю двое, – предупредил Пророк, – то знает и свинья».

– Ляха бляха! Какой спать?! Какой спать?! – ещё больше занервничал Жаглин. – У меня заначка есть! – Он демонстративно полез под стол. – погоди... ну, погоди! – упрашивал он. От натуги лицо у него пошло красными пятнами.

– Нет, я пас, – Цветаев показал ему средний палец и едва догрёб до дивана.

У него от усталости и сытого желудка даже ноги не гнулись. Он ещё несколько мгновений слышал, как Жаглин внушал в свойственной ему манере:

– А слабо пойти и взять настоящего пиндоса?! – Жаглин ржал в отдалении, как конь. – Слабо?!

– Настоящего?... – равнодушно спросил Жаглин, погружаясь в сон, как в трясину.

Настоящий пиндос это хорошо, миролюбиво решил он, но зачем?

– Да он к Зинке Тарасовой ходит каждый день! Возьмём?! Тошке нос утрём! – Жаглин издал глупый смешок.

Но Цветаев лишь махнул рукой: «Утрём!» и провалился в сон. Сна он не видел и с любимой Наташкой не встретился, а проснулся с таким ощущением, словно не спал. Жаглин тряс его за плечо.

– Чего? – спросил он, отмахиваясь, как от комара.

– Уже пять вечера, а Тошки нет, – пожаловался Жаглин и для жалости шмыгнул носом.

– Ну и что? – Цветаев повернулся на другой бок, намереваясь выспаться за все бессонный ночи.

– Пойдём языка брать! – Жаглин снова, как собака, цапнул его за плечо.

– На фиг язык! – брыкнулся Цветаев и совершенно ненарочно попал Жаглину по мужскому достоинству.

Жаглин был бы не Жаглиным, если бы не умел терпеть боль. Он только пробормотал:

– Падла, – и уселся на холодную батарею отопления. – Фу-у-у... – глядел он осоловело, – Какая же ты падла, Жека! – Чего лягаешься?! Ляха бляха!

Если дружить не умеет, пусть боится. Цветаев сел на диване, потёр лицо и проснулся окончательно. За окном было ещё светло, только свет был не белый, а жёлтый, вечерний. Где-то далеко-далеко одиночными стреляли из автомата. Он давно стал специалистом и мог на слух определить тип оружия, М-16, разумеется. «Калаш» стреляет не так. Звук у него резкий и окончательный, словно кто-то гвоздь заколотил с одного раза, и всё, а М-16 была с шершавым придыханием, как астматик, и гвоздь, естественно, с одного раза заколотить не могла. Последнее время чаще всего такая стрельба означала одно: бандерлоги выследили очередную жертву, например, «беркутовца» и выкуривают его из квартиры. Можно было пойти и вступить за него, но Пророк крепко-накрепко запретил любое самовольство: «Мы здесь не для того сидим, чтобы страдать хернёй!» Цветаев с ним не был согласен, но поделать ничего не мог. Дисциплина и конспирация, мать их за ногу, превыше всего.

Поэтому идея прищучить мифического американца и таким образом действительно утереть нос Пророку, Цветаеву чисто теоретически понравилась. Не понравилось только то, что делать это надо днём, прилюдно, всё-таки он привык к ночи, а днём он себя чувствовал

словно голым в толпе. К тому же к Жаглину не было особого доверия, в разведку он с ним не пошёл бы, потому что Жаглин был всё же распиздяй, вахлак, Шура Балаганов, и всё такое прочее. Такие люди за свои слова отвечают лишь наполовину, вторую часть в виде ответственности перекаладывая на кого угодно, но только не на самого себя.

– Водка есть? – спросил он не с целью выпить, а чтобы Жаглин перестал причитать над своими яйцами.

– Водки нет! – нагло молвил Жаглин. – Фиг тебе, а не водка! Если бы не рука, я бы сам!..

Он демонстративно показал свои гипс, мол, не ты один вкалываешь. Цветаев едва не усмехнулся. Дело в том, что Жаглину не дано было умение воевать, он относился к этому так, словно к прогулке в супермаркет, исповедуя принцип эвентуальности, то есть случая, а случай на рукоблудной войне, как впрочем, и на любой другой – самая дрянная штука. На случай только дураки да сумасшедшие надеются. Цветаев же любил всё просчитывать, а что не мог просчитать, то предполагал. Может, поэтому он до сих пор жив.

– Ну тогда пошли! – неожиданно для себя решил он и поднялся.

Он только забыл, что идти за американцем, вопреки приказу Пророка, нельзя было ни к коем случае, однако им действительно овладело желание утереть нос Пророку, чтобы он не смотрел на него с презрением.

– Куда?.. – с тоской спросил Жаглин. – Куда?..

Цветаев только мотнул головой. Во рту стояла вязкая слюна, как после любой пьянки. Он поплёлся в ванную, чтобы напиться из-под крана, совершенно забыв, что ещё два дня назад они притащили из ближайшего супермаркета упаковку с минеральной водой.

Цветаев полоскал рот зубной пастой, разглядывая лицо. На виске красовалась свежая царапина, которую он вначале не заметил. Значит, немец всё же задел меня. Чего только в драке ни бывает, решил он и ответил сварливо:

– За языком, куда ещё?

– А-а-а-а... это всегда пожалуйста! – обрадовался Жаглин, успокоился и слёз с батареи. – Ляха бляха! Ты только скажи, брат. Я за тебя в любую драку впишусь! – пообещал он.

– Старик, оружия не бери, – посоветовал Цветаев, выходя из ванной.

– Почему? – удивился Жаглин, и на лице у него возникло тоскливое выражение.

– По кочану. Чего объяснять!

Они уже проходили это сотни раз. Ясно же, что днём они сойдут за местных обалдуев, ищущих выпивки. Хотя местные тоже таскали огнестрельное оружие. Но чем чёрт не шутит: чем меньше будем привлекать внимание, тем лучше, подумал Цветаев. Он надеялся только на свой нож да на реакцию.

– Ты как хочешь, а я возьму! – упёрся Жаглин. – Ляха бляха!

Он всегда таскал собой два пистолета: один на поясе, другой – почти игрушечный, на лодыжке. Калибр у этого игрушечного пистолета был такой крошечный, что для серьёзного дела, конечно же, абсолютно не годился. Но Жаглин любил играть в войну, которая называлась рукоблудной, и Цветаев уступил.

– Ну идём или нет? – спросил он, стоя у двери, делая вид, что не замечает, как вооружается Жаглин.

Он надел джинсовую рубашу, под которой легко прятался нож. Им овладело нетерпение, и Жаглин с его неумением быстро мобилизоваться, слегка раздражал его. Ну да недолго, решил он с облегчением. Судя по всему, зазноба американца жила совсем рядом. Сбегаем туда-сюда, легкомысленно решил он.

– Идём!

Жаглин блестел, как начищенный пятак. После пьянки он всегда выглядел так, словно его облили маслом. Ну и хорошо, решил Цветаев, чем натуральнее, тем лучше.

Дом этот, старой постройки, они выбрали исключительно по той причине, что третий подъезд его просматривался только с одной точки, и его можно было незаметно покинуть и свернуть в арку.

Бои здесь почти не велись, это в районе Крещатика всё было принесено в жертву майдану, а здесь бандерлоги сожгли пару высоток и на этом успокоились. Остальные – хлопотно, думал Цветаев. Хлопотно и скучно. Любая революция рано или поздно испускает дух. Киев мечтал о превентивном ядерном ударе по России. Великая тень Грушевского⁵ витала над Липками. Горожане то там, то здесь пробовали обороняться, но после того, как на Подолье бандерлоги расстреляли «клятую» сотню дружинников, город ужаснулся и побежал. С того момента судьба его была предрешена. «Герои в истории»⁶ покрыли себя вечным позором в неспособности самоорганизоваться. Гора родила мышь.

– Слышь, – вдруг сказал Жаглин доверительно, – говорят, что Юльку шлёпнули.

– Не может быть! – удивился Цветаев, ему было не до политических ребусов.

– Я тебе говорю, ляха бляха! – как всегда, с жаром начал Жаглин. – По радио слышал!

С тех пор, как правый сектор стал контролировать телевидение, они слушали только московское радио, хотя и у националистов можно было почерпнуть новости. Но они побили все рекорды по части дезинформации.

– Утка, – высказался Цветаев со всей убедительностью, на которую был способен. – Фейк!⁷

Как это Капительман могут убить, если её охраняют не хуже президента России, и кто – американцы! А они мышей не ловят, они свою систему выстраивают. Значит, система дала сбой, решил он. Ха-ха, убедительно!

Арка с другой стороны была завалена мусором, через который пришлось пробираться чуть ли не на карачках. Пахло мочой и вездесущими кошками, а может быть, дождём, который в это лето был особенно надоедливым. Вот и сейчас он сыпанул, и серый асфальт покрылся темными пятнами. Где-то на левобережье непонятно гроыхнуло – то ли миномет, то ли гром.

– Может, и фейк, – поутих Жаглин. – Но всё равно здорово! Ляха бляха!

Он мотнул головой, и светлые, жирные волосы разлетелись у него во все стороны. В таком виде он сам походил на бандерлога правого сектора, невымытого, запаренного частыми вылазками.

– Почему? – скрывая раздражение, спросил Цветаев.

– Одной сволочью меньше! – патетически воскликнул Жаглин.

– А Вальцмана-Кровавого?

– Вальцмана не знаю. Зяму знаю.

На очереди целая синагога: Коган, Фротман, Гурвиц, Этизон и кролик Бакай, сразу всех не взорвёшь, подумал Цветаев.

– А жаль, – искренно среагировал он и выглянул из арки.

Я не против евреев на бытовом уровне, подумал он, но еврей-политик – это кровь, это мясо. Еврей исторически в меньшинстве и чтобы доказать своё, он не погнушается ничем. Вот почему у них ничего не получается. Подсутились, а не вышло. А славянами должен управлять славянин без комплексов неполноценностей, и баста! За это боремся, на этом стоим и стоять будем!

– Говорят, её взорвали! – с чувством справедливости добавил Жаглин, в его глазах блеснули праведные слёзы.

⁵ Грушевский М.С. (1866-1934) – украинский националист.

⁶ Термин Грушевского М.С.

⁷ Интернет-утка.

Но Цветаев уже не вникал в суть разговора, а до слёз Жаглина ему не было никакого дела, его заботило другое. Вечернее солнце заливало улицу жёлтым светом. Прямо напротив чернела сгоревшая высотка, и весенние запахи тополиных почек перебивал смрад гниющей плоти. Здесь засела милиция. Ушли они или сгорели, никто не знает. Собственно, и весь сказ. Гастроном в полуподвале ещё не разграбили. Они, обвязавшись полотенцами, ходили сюда, разгоняя крыс, в поисках съестного и алкоголя. Голод не тетка, и не такие запахи вытерпишь. На другой стороне Леси Украинки тоже высилась высотка, в её стенах чернели дыры от гранатомётов. Хорошая позиция для снайпера, решил Цветаев, если кто-то за нами охотится, то обязательно усядется там: пол-улицы вправо, пол-улицы влево, идеальный сектор обстрела. Вопрос заключался в том, где перейти эту самую улицу. Жаглин сказал:

– Давай прямиком! Была не была. Ляха бляха!

В этом был он весь со своей эвентуальностью.

– Ещё чего! – возразил Цветаев и остановил Жаглина, который готов был бежать куда угодно, лишь бы схватить своего мифического американца.

«А знаешь, он сегодня не придёт к твоей Зинке, – ехидно хотелось сказать Цветаеву. – Стоит ли рисковать?» И хотя Кубинский строго придерживался принципа: в своём районе не охотиться, после Алекса Фогеля надо было поостеречься. Вдруг кто-то действительно накинуд на город «сетку»? Тогда дела дрянь. Он покосился на Жаглина. Жаглин был милиционером до мозга костей и мыслил категориями «увидел-напал». Ему, собственно, и руку прострелили из-за пренебрежения простыми правилами: не возвращайся на место охоты, не ходи днём и не пренебрегай маскировкой. Какое из этих правил нарушил Жаглин, трудно было понять, может, плюнул не в том месте, а может, шлялся днём, как у себя на даче.

– Пошли назад, – неожиданно согласился Жаглин, всем своим видом показывая, что презирает Цветаева из-за трусости.

Они вернулись во двор, через который вышли на соседнюю улицу, где её замыкала пустая баррикада из мешков с землёй, опутанная колючей проволокой, миновали ещё один квартал и оказались перед спуском в метро «Печерская». Мостовая здесь была усыпана пеплом из сгоревшей напротив библиотеки. На стене дома было написано с ошибками, кроме последнего слова: «Исус, Расия, водка»⁸.

Станный запах тлена витал в воздухе, словно Киев не выдержал греха, который сам и породил, и начал вымирать с окраин. Только вдалеке пронеслась машина да прохожий шмыгнул в подворотню. А в былые времена здесь было не протолкнуться, вспомнил Цветаев. Они гостили в этом городе у родственников. Где теперь эти родственники? Сколько он их ни искал, так и не нашёл. Русофилов арестовывали по одному подозрению в симпатии к России. Их свозили в ровненский лагерь номер один под Антополь, в Луцкий лагерь «Киверцы», под Тернополь в «Золочев» и в Дрогобыч, был ещё фильтрационный лагерь в Коростене. Большинство получали от полугода до десять лет исправительных работ и жёлтую справку негражданина. Тех же, кто попадали в Коростень, никто никогда не видел. Там работали «украинские гестаповцы» от СБУ, особый пятый отдел по перекодировке агентуры противника, там потрошили людей по технологиям ЦРУ, а затем засылались для проведения терактов в Россию. Россия их ловила, в свою очередь перекодировал и отправляла назад, на Украину.

И город, который постепенно превращался в руины, давно просыпался не от привычных и потому незаметных звуков, а от пустопорожней стрельбы и криков: «Україна понад усе!»⁹

⁸ Исус, Россия, водка.

⁹ Украина превыше всего!

Всё это время словоохотливый Жаглин сосредоточенно молчал. Молчал даже когда они под прикрытием сгоревших машин спустились вниз, молчал даже когда увидел в свете фонарика столондаровую банкноту и дёрнулся, чтобы схватить её.

Холодный пот прошиб Цветаева быстрее, чем он крикнул:

– Стой!

Жаглин так и застыл с протянутой рукой. Хорошая реакция у него оказалась. Цветаев едва не перекрестился.

– Смотри, растяпа! – зло сказал он.

В луче фонарика блестела леска. Она терялась в грудe мусора у противоположной стены и была прикреплена к гранате РГД-5¹⁰. Усики были разогнуты, и чека готова была выскочить от малейшего прикосновения. Корпус гранаты было обложен гвоздями и обмотан изолентой.

– Сейчас бы мы с тобой беседовали с Богом. А доллары твои фальшивые! Такие в каждом ларьке продаются! – объяснил он не без сарказма.

Жаглин вначале выпучил глаза, а потом надулсa так, что готов был лопнуть. Губы у него оттопырились, а на лоб легли тяжелые складки тяжелых раздумий. Не любил он, когда его поучали, поэтому и пошёл в охранники к Кубинскому, чтобы самоутвердиться. Однако Цветаев оказался настолько прав, что спорить было бесполезно.

Цветаев, у которого в кармане всегда были кусачки, придержал спусковой рычаг, вдел чеку до упора и разогнул усики. После этого обрезал леску, к которой «скотчем» была приклеена злополучная столондаровая фальшивка, и положил гранату в карман.

– Пригодится, – сказал он. – Пошли!

Больше в переходе не оказалось никаких сюрпризов, не считая вездесущих наглых крыс, которые сами лезли под ноги. Жаглин с явным облегчением выбрался на поверхность, где дождь сыпанул уже основательно по лужам и тут же перешёл на привычный минор – редкие-редкие капли. Странное лето, подумал Цветаев, дождливое и облачное.

Обоим было страшно.

– Ты это... – попросил Жаглин, глядя в сторону, – не рассказывай Тоше... ляха бляха...

– Да ладно, старик, чего там, – великодушно отозвался Цветаев. – С кем не бывает.

Он вспомнил, как однажды ради интереса попытался выследить, куда же так рьяно стремится Пророк. Но нырнуть за ним не в переход, а глубже – в метро, не решился. О метро говорили страшные вещи: и будто бы там появились оборотни, и будто бы весь город ушёл под землю, создал свою республику, независимую от бандерлогов, будто бы он только и ждёт «наших», чтобы вернуться к цивилильной жизни, а пока не может по понятным причинам. Впрочем, какой же дурак будет сидеть в подземелье круглые сутки? Уж лучше рисковать жизнью наверху, рассуждал Цветаев, оправдывая свою позицию охотника.

– Где твой американец? – спросил он, когда они поднялись на поверхность.

– На Верхней улице, – ответил Жаглин, вышагивая нерационально, как аист, то есть переноса тело вслед за ногами.

Цветаев тихо выругался:

– Какого чёрта?! Надо было на Приймаченко перейти!

– Не знаю. Я тебя в переход не ташил! – парировал Жаглин. – Ляха бляха!

Цветаев с удивлением оглянулся на долговязого Жаглина. Жаглин сосредоточенно выковыривал козюли из носа.

– Рассказывай! – потребовал Цветаев.

Оказывается, Жаглин сам хаживал к Зинке Тарасовой. «А ведь это же подло давать американцу!» – возмутился он таким тоном, словно кто-то ему обязан открыть глаза на суть

¹⁰ РГД-5 – наступательная ручная граната.

вещей. И Цветаев понял, что видит перед собой рогоносца, которому отказали в плотских радостях. Впрочем, это абсолютно не меняло сути дела: действительно, нечего американцу шастать по русским девкам, тем более, что американец носитель ценной информации, на него можно кого-нибудь из наших обменять, решил он и мельком подумал об Орлове, боясь сглазить, ведь с тех пор, как он пропал, о нём не было ни слуху ни духу, словно он растворился в гниловатом воздухе Киева.

В открытую они, разумеется, не пошли, а двинули вдоль стен, перебегая от высотки к высотке. Цветаеву сразу сделалось не по себе. Не любил он такие приключения, хотя требовалось соблюсти всего лишь одно правило: не застревать на одном месте. Через пару кварталов Жаглин снова заныл:

– Я её так любил, так любил... ляха бляха...

– Заткнись, – посоветовал Цветаев. – Бабы, они все одинаковы.

Хотя, конечно, не верил сам себе, ибо был романтиком с синдромом вечного похмелья. Просто цинизм действовал на Жаглина успокаивающе. У них с Наташкой получилось всё наоборот, потому что они никогда не врали друг другу.

– Да я понимаю, – задышал ему в ухо Жаглин, незаметно вытирая палец о штаны. – Не везёт мне, понимаешь, с ними.

После истории с долларом он был покладист и тих и поглядывал на Цветаева с уважением.

– Старик, – сказал, не подумав Цветаев, – плохо ищешь, – и почесал шрам на груди, словно призывая к перемирию.

И они побежали дальше, мимо фонтана, лавочек и детских площадок. В спину им глядела высотка с голубым куполом, где так удобно прятаться снайперу.

– Почему «плохо»? – у следующего здания ткнулся в него Жаглин.

И конечно, лицо у него было обиженным. Цветаев сжалился:

– Старик, не бери в голову, всё у тебя будет.

– Правда?! – обрадовался Жаглин.

– Правда, правда, – заверил его Цветаев, и на этом разговор о женщинах закончился, как в большинстве своём заканчиваются все мужские разговоры, потому что мало кто из мужчин любит вдаваться в подробности, полагая, что безоглядная любовь всему голова.

Было тихо и сонно, как в большой деревне, только на горизонте, как во время отечественной, стлались чёрные дымы. Однако сколько Цветаев ни прислушивался, раскатов, похожих на гром, слышно не было. Ветер перемен всё же дул оттуда, хотя Пророк как-то обмолвился, что «наши», мол, Киев брать не будут, глупо брать то, что не лояльно, возись потом с чмошниками, вправляй им мозги, учи их уму разуму. Цветаев, честно говоря, не поверил ему. Киев надо взять, и баста! А вот где останутся – это была тайна тайн.

– Так где, говоришь, твой «чвашник»? – спросил Цветаев.

Они уже подошли в спуску, ниже был виден бульвар Дружба народов – обычно забитый машинами, на этот раз был девственно пуст.

– Как где? – удивился его наивности Жаглин, – вот же! – и показал пальцем на чёрный «ауди», стоящий у откоса, за которым начинался парк, за парком виднелась дорога.

Дверь открылась и из неё вышел человек в камуфляже «жаба». В руках у него был большой, судя по всему, тяжелый пакет и цветы, а на плеча краснела нашивка спецподразделения «сокол». Что-то странное показалось Цветаеву в человеке, но он сразу не понял, что именно.

– Ты уверен, что это он?

– Да! – горько отозвался Жаглин и надулся в очередной раз.

Человек ногой толкнул дверь и вошёл в подъезд. Цветаев представил, как вначале удивится, а потом обрадуется Пророк американцу, и фамилию спросим, и узнаем откуда, а потом

на него Гектора Орлова обменом, суеверно подумал Цветаев, и вдруг ему на одно единственное мгновение показалось, что он уже сглазил всё мероприятие и ничего не получится, и, наоборот, будет только хуже, и он даже повернулся, чтобы сообщить об этом Жаглину. Но у Жаглина было такое жалкое и одновременно просящее лицо, что отступить было поздно. Дело-то пустяковое, успокоил он себя: зайти и взять засранца, авось пронесёт.

Когда они проникли в подъезд, было слышно, как наверху хлопнула дверь.

– Какой этаж? – спросил Цветаев, стараясь не глядеть на страдающего Жаглина.

– Десятый! –дохнул на него запахом перегара Жаглин. – Подождём... – нервно предложил он.

Слушать его без стакана водки тоже было невозможно. Мелкое пособие, а не человек.

– Зачем?

– Пусть разденутся, ляха бляха!

Цветаеву аж зубами заскрипел, но удержался, чтоб не ляпнуть какую-нибудь гадость, например: «Постель – не повод для знакомства!» Несомненно, Жаглин страдал. Лица не нём было, глаза были пустыми как у животного, а на скулах ходили желваки. А ведь он убьёт его, понял Цветаев, точно убьёт.

Цветаев досчитал до тридцати и сказал:

– Ну что, идём, что ли?

– Идём, – простонал Жаглин, сжимая кулаки.

Цветаев больше не мог выносить его мучений и устремился вперёд. В мгновение ока они вознеслись на десятый этаж и замерли перед дверью, тяжело дыша.

– Так, – сказал Цветаев, – я стучу, говорю, что твоя Зинка, залила соседей.

– Кого залила? – Жаглин вздрогнул, как лошадь, на которую сел овод.

– Нижний этаж!

На самом деле, за обитателей дома можно было не беспокоиться, в этом районе никто не жил, кроме Зинки Тарасовой, разумеется.

– Хорошо! – согласился Жаглин и со всё тем же равнодушным выражением на лице ударил ножицей в дверь.

Дверь не заставила себя долго ждать: рухнула со страшным грохотом внутрь квартиры, и сразу же раздался истошный вопль.

– Убивают!!!

Как в калейдоскопе, выскочила и пропала голая Зинка. У неё оказались огромные груди с розовыми сосками и толстые бедра. Лобок она не брила. Должно быть, Жаглин любил пышные форма. Вслед за ней возник большой голый человек, и Цветаев сразу понял, что это не американец, а самый настоящий грузин, с иссиня-чёрными щеками и такими длинными ресницами, которым позавидовала бы любая красавица. Грузин целился в него с Жаглиным из большого чёрного пистолета, но почему-то не стрелял: то ли забыл снять с предохранителя, то ли вообще не дослал в ствол патрон. Жаглин, который стоял впереди, стал лихорадочно доставать оружие. Цветаев понял, что их сейчас убьют. Разбираться было некогда. Он поднырнул под руку Жаглин, оказался перед грузином и с правой приложился с такой силы, что боль от удара отдалась до самой пятки. И только после этого грохнул выстрел. Всё завертелось под Зинкины вопли: «Убили!», потом оказалось, что грузин повержен, что Жаглин дожимает его коленом, что голая Зинка вцепилась ему в волосы, а сам Цветаев абсолютно не слышит на левое ухо.

– Уби-ли-и-и-и!!!! – вопила Зинка. Уби-ли-и-и-и!!!! – и с такой силы дёргала Жаглина за голову, что, казалось, вот-вот оторвёт её.

Цветаев между делом приложился ей в уха всего лишь одни раз, Зинка скovyрнулась и улетела в кухню, остались торчать только грязные пятки.

– Ляха бляха! – спокойно высказался Жаглин, массируя шею, – думал, задушит, стерва!

Бордовые росчерки у него на шее наливались кровью.

– Взяли! – скомандовал Цветаев.

Они схватили грузина за руки и, смятая ковры и дорожки, отволокли в большую комнату. Снова, как привидение, возникла Зинка. На этот раз она догадалась накинуть халат, он не успела его застегнуть. В разрезе то и дело мелькали большие груди с розовыми сосками и мохнатый лобок.

Она снова прыгнула на Жаглина, как дикая кошка на дерево.

– Убью-ю-ю!!!

Жаглин сбросил её с себя и нечаянно опрокинул шкаф с сервизом. Посыпались полки, стёкла. Зинка развернулась было в сторону Цветаева, но он показал ей ладонь, которой ударил её, и она замерла:

– Отстаньте от него, подонки! Он мой, мой, мой!!!

– Убери её! – крикнул Цветаев, возясь с грузином, который стал приходить в себя.

Жаглин сделал с Зинкой что-то такое, что она мгновенно заткнулась, схватил её в охапку и с хищным выражением на лице утащил в другую комнату. Что он там с ней совершал, было неизвестно, но отсутствовал он достаточно долго, чтобы Цветаев начал злиться.

Он сорвал с окна шторы и связал грузину руки за спиной в локтях. Грузин открыл глаза и произнёс:

– That with me?¹¹

Был он волосатым, как обезьяна, и вялый уд не претендовал на что-то исключительное, из чего Цветаев сделал вывод, что грузин берёт обходительностью, коньяком и цветами.

– Ты в раю, пиндоса, – сообщил ему Цветаев, отдуваясь.

Сказалась малоподвижная жизнь и периодическое обжорство.

– Я не пиндоса, – на чистейшем русском ответил грузин и окончательно пришёл в себя.

Потом разглядел Цветаева, который стоял напротив окна, и дёрнулся с такой силой, что затрещала ткань. Ему почти удалось вырваться, и Цветаеву пришлось ударить его ещё раз. Грузин обмяк, как мешок с трухой. Тогда Цветаев поискал глазами и обнаружил португепю засранца. Португепя была сделана из натуральной кожи, грузин не мог её разорвать.

Явился запыхавшийся Жаглин. На его морде красовалась следы от ногтей, а на руке с гипсом блестели золотые часы.

– Где тебя черти носят?! – спросил Цветаев.

Жаглин скорчил мину, которая говорила: «Отстань!» Цветаев сказал:

– Это грузин, а не пиндоса.

– Что?! – крайне удивился Жаглин и перевернул грузина на спину.

– Ну что? – ехидно полюбопытствовал Цветаев. – Убедился?!

– Точно, грузин, ляха бляха! – с разочарование произнёс Жаглин, изучая при этом почему-то его вялый уд и к вещему своему удовлетворению не находя его достойным уважения.

Грузин пришёл в себя, веки с длинными, как у девушки, ресницами затрепетали.

– Кто вы? – спросил он, открывая глаза.

– Какое тебе дело, собака, кто тебя убьёт? – спросил Жаглин и пнул его.

– No, it is not. I am not Georgian, I...¹²

– Что он сказал? – удивился Жаглин и посмотрел на Цветаева.

– Понятий не имею, – посмотрел на него Цветаев. – Ты кто такой? – спросил он, обращаясь к грузину.

– Я американец, – сообразил грузин.

¹¹ – Что со мной?

¹² – Нет, нет, я не грузин, я...

– А нам по барабану! – вдруг заорал Жаглин. – Ты приехал нас убивать и трахать наших баб!

– No, it is not, not to sex!¹³ – выпалил грузин.

Несомненно, он понял, что запахло жареным, и попытался отделаться тем, что является американцем.

– Так я тебе и поверил, ляха бляха! – угрожающе нагнулся над ним Жаглин и заржал, как конь.

– Так кто ты такой, – спросил Цветаев, – американец или грузин?!

– Американский грузин.

– Сын Саакашвили! – снова заржал Жаглин.

– No, it is not, not Saakashvili! – сообразил грузин.

– Имя, фамилия?!

– Барри Гоголадзе, – услужливо ответил грузин.

– Суррогатный грузин! – высказался Жаглин.

– Барри, что ты здесь делаешь? – серьёзным тоном спросил Цветаев.

– On the basis of the thirteenth article of Geneva Convention you must apply with me humanely¹⁴, – выдал Барри Гоголадзе.

– Чего-о-о?! – страшно удивился Жаглин. – Ты ещё над нами издеваешься, ляха бляха?!

– Кто ты такой вообще?

– В смысле?..

– «Чвашник»?!

– Я не знаю, что такое «чвашник»...

– Частная военная армия! – хором и с плохо скрываемой яростью объяснили ему. – Ляха бляха!

– Да, – признался Барри Гоголадзе, – только у вас неправильное представление о нас. Мы...

– Заткнись! – посоветовал ему Цветаев.

– Заткнись! – добавил Жаглин.

– Хорошо... ладно... – покорно согласился Барри Гоголадзе и «натянул» на лицо постное выражение.

Он понял, что за Зинку его убьют точно, а за «чвашника» могут просто хорошенько настучать по голове.

– Надо на него штаны надеть, – заметил Цветаев и посмотрел на Жаглина, мол, что будем делать? Но Жаглин ничего не подсказал, ход мыслей у него был совсем иным.

– Ты взял, ты и надевай, – брезгливо ответил он.

– Отволочём в любую пустую квартиру, – предложил Цветаев, – а потом Тошу приведём. А?..

– Ага, – иронично заметил Жаглин, – так он тебе и придёт. Пророк в лучшем случае обложит матом, а в худшем – посмотрит с презрением, мол, не можете нормально работу сделать!

– И то правда, – согласился Цветаев и внимательно посмотрел на Барри Гоголадзе. – Не волочь же на себе такого борова.

Он представил, как они потащат голого Барри Гоголадзе через весь район и как Пророк скорчит недовольную мину. Надо было на машине ехать, да Жаглин: «Рядом, рядом».

– А я о чём!

– Тогда грохнем здесь!

¹³ – Нет, нет, не секс.

¹⁴ – На основании тринадцатой статьи Женевской Конвенции вы должны обращаться со мной гуманно.

У Барри Гоголадзе от услышанного расширились зрачки. Он стал часто дышать.

– Нет, – заявил Жаглин, – я хоть и скотина, но убивать его здесь не могу.

– Почему? – удивился Цветаев.

– Зинка... – отвернул морду Жаглин.

– Что «Зинка»?.. Блин!

Учить тебя жизни надо, решил Цветаев.

– Зинка расстроится... – нехотя буркнул Жаглин.

– По-моему, она уже расстроилась, – насмешливо заметил Цветаев.

– Одно дело в квартире, а другое – на улице... – возразил Жаглин. – Забрызгаем всё.

И Цветаев понял, что Жаглин хочет помириться с Зинкой и снова, как прежде, ходить к ней в гости. Дурак, решил он, ничему не учится.

– Тогда, что, отпустим?... – предложил Цветаев, хотя не верил даже самому себе.

– Легко, – быстро согласился Жаглин, – только вначале кастрируем!

– Кастрируем?! – Цветаев весело посмотрел на Барри Гоголадзе. – Ха! Он не согласится!

– А кто его, идиота, спросит?! – удивился Жаглин. – Дай нож.

– Ещё чего, марать инструмент. Иди на кухню, возьми потупее.

– И то правда, – обрадовался Жаглин.

Цветаев подумал, что Пророк будет крайне недоволен переездом на другой конец города и что вся эта затея с американцем уже провалилась.

У Барри Гоголадзе наконец прорезался голос:

– Что вы задумали?!

Он глядел на них безумными глазами.

– Где-то здесь я видел «скотч», – буднично произнёс Жаглин и принялся искать его.

– Стойте! – закричал Барри Гоголадзе. – Я не военный, я строитель. I am a builder.

– Чего ты строишь? – поинтересовался Жаглин.

– Я не строю, а восстанавливаю, – с надеждой в голосе отозвался Барри Гоголадзе.

– Что ты восстанавливаешь? – терпеливо спросил Жаглин.

Он нашёл «скотч» и держал его в руках.

– Вашу площадь независимости.

– «Нетерпимости», – поправил его Цветаев невольно подумал об Орлове, связывая почему-то его и эту площадь.

– Она давно уже не наша, – возразил Жаглин, возвращаясь из кухни с огромным ножом. – Выбирай, или мы тебя кончаем в лесочке, или отделываешься лишением «друга».

– А-а-а... – тихо заверещал Барри Гоголадзе. – Я строитель из фирмы «Сентикс» в Далласе!

Естественно, подумал Цветаев, выбор труден, ещё труднее решиться на что-то конкретное. Мысль была сюрреалистичной по сути, но не по содержанию.

– А не надо по нашим бабам шлаться, – нравоучительно сказал Жаглин. – Я бы лично выбрал смерть, правда? – он посмотрел на Цветаева. – А то жить без «друга», это какое-то не то.

– Согласен, – кивнул Цветаев. – Действуй!

– Не надо кастрировать, – слёзно попросил Барри Гоголадзе, – я вам деньги заплачу. У меня много денег. Возьмите деньги!

– Жека, а ты проверял его документы? – сделал круглые глаза Жаглин.

– Нет, – сознался Цветаев. – Он же голый. Даже в голову не пришло. Ты здесь занимайся своим делом. А я поищу документы.

– Ага... – быстро согласился Жаглин и кровожадно посмотрел на Барри Гоголадзе.

Цветаев пошёл в спальню. Там на кровати в самой соблазнительной позе лежала связанная Зинка. Во рту у неё был кляп. Она приветствовала Цветаева мычанием.

– Лежи, ты не в моём вкусе, – сказал Цветаев, хотя, конечно, если перед тобой голая женщина, то какой разговор о вкусах?

Он нашёл вещи Барри Гоголадзе и вернулся к Жаглину.

– Стой! – сказал он, – смотри, что я обнаружил.

– Вечно ты под руку, ляха бляха! – Жаглин отложил нож и разогнулся.

Грузин, рыдая, брыкался.

– Чего, так и не решился? – кивнул на него Цветаев.

– Не-а... только примериваюсь, – ухмыльнулся Жаглин, брезгливо вытирая руки о штаны.

– Смотри, – Цветаев вытряхнул из формы толстый бумажник. – Здесь ещё один.

– Ого! – воскликнул Жаглин и забыл, что собрался кастрировать Барри Гоголадзе. – Да здесь долларов и евро до фига!

Барри Гоголадзе радостно замычал, всем видом показывая, что он готов отдать всё, ради своего «друга».

– А здесь еще?! – удивился Цветаев.

Второй бумажник был туго набит банковскими карточками.

– Ляха бляха! – воскликнул Жаглин. – Богатенький Буратино.

Барри Гоголадзе проямлил сквозь «скотч»:

– Берите, берите...

– И возьмём, а что ты думал! – заверил его Жаглин и нагло засунул к себе в карман бумажник с деньгами.

Второй бумажник с банковскими карточками его абсолютно не интересовал, и Цветаев собрался было зашвырнуть его в угол, как совершенно случайно увидел, что на всех карточках разные фамилий.

– Старик, подожди! – сказал он, высыпая карточки на пол.

Он стал их перебирать. Фамилии тех людей, которым принадлежали карточки, ему были незнакомы, кроме одной, он не поверил своим глазам.

– Смотри!

На карточке было написано: «Gektor Orlov».

– Откуда она у тебя? – спросил он, сдирая со рта Барри Гоголадзе «скотч».

– Это не мои карточки! – отрёкся Барри Гоголадзе.

– Да здесь полный список пин-кодов! – воскликнул Жаглин, выворачивая остальные карманы в бумажнике. – Ты попал, мужик, – заверил он Барри Гоголадзе. – Мы тебе сейчас всё припомним: и Северную Осетию, и Абхазию, Саакашвили заодно. Ты видел, как он упакован! – «Ауди», золотой «ролекс» за пятьсот тысяч долларов. Поверь, я разбираюсь.

– Это не я! – закричал Барри Гоголадзе. – Я у них вообще ничего не брал!

– У кого, «у них»?! У кого?! – замахнулся Цветаев.

– Пленных! – выкрикнул в отчаянии Барри Гоголадзе. – Это всё майданутые, я только карточки коллекционировал.

Возможно, он подумал, что, раскаявшись, смягчит свою вину.

– На память, что ли?! – ехидно осведомился Цветаев.

– No, I wanted everything to return!¹⁵ – Со страху Барри Гоголадзе перешёл на английский.

Обожаю слушать ложь, когда знаю правду, подумал Цветаев.

¹⁵ – Нет, я хотел всё вернуть!

– Каждая карточка – одна душа. Саша, слышь, это отчёт о проделанной работе. Где ты его видел?! Где?! Говори! – повернулся он к Барри Гоголадзе.

– Не an area paves¹⁶.

– Ты ему хоть плюй в глаза – ему всё божья роса! – возмутился Жаглин.

– Он жив, или нет?!

– Не знаю, я... я...

– Ты его допрашивал?! – Цветаев наступил на то, что было так дорого Барри Гоголадзе.

– Да... – разрыдался Барри Гоголадзе. – Я из ЦРУ, работают на правительство. Вы должны меня пожалеть. Geneva Convention!

– Петя Вальцман тебя пожалеет!

– Ладно, я согласен, – закричал Барри Гоголадзе. – Отрежьте мне «его», только не убивайте!

– Поздно! – с мрачным лицом заверил его Жаглин и заклеил ему рот «скотчем» крест-накрест.

* * *

Тащить по лестнице голого, брыкающегося человека оказалось сплошным мучением, легче было его катить. На пятом этаже они сдохли, на третьем – были мокрыми, словно мыши под дождём, а на первом – прокляли весь белый свет. Барри Гоголадзе не хотел сдаваться: упирался с такой одержимостью, что сорвал себе все ногти на пальцах.

– I am not guilty!¹⁷ – рычал он.

– Заноси круче! – командовал Жаглин, орудуя здоровой рукой.

На улице они выдохлись до такого состояния, что не могли стоять на ногах и упали. Барри Гоголадзе пополз в надежде скрыться за углом. Цветаев тупо смотрел ему вслед: за грузином стелилась розовая дорожка из крови и соплей.

– Вставай! – потребовал Жаглин. – Вставай! Уйдёт сука!

Цветаев поднялся и сделал два шага. Страшно хотелось пить, ещё сильнее хотелось упасть на траву и забыться минут на шестьсот, после ночной «охоты» он так и не восстановился. Однако упрямый Жаглин был неутомим, он пинками погнал Барри Гоголадзе в парк к дороге.

Они быстро скатились вниз. Барри Гоголадзе был похож на огромного червяка.

– Кончаем здесь и уходим! – сказал Цветаев, которому вся эта затея стала надоедать. Он чувствовал, что они непозволительно долго задержались на одном месте.

– Давай оттащим к дороге? – предложил Жаглин. – Ну, пожалуйста... – попросил он, заметив гримасу отвращения на лице Цветаева.

Цветаев вспомнил о Зинке: боится, что найдут квартиру, сообразил он. Они снова потянули его, теперь уже не церемонясь и не разбирая пути. Сквозь деревья блестела дорога. Грузин уже не брыкался, а лишь мычал. Смирился, что ли? – с безразличием думал Цветаев.

– Здесь! – сказал он, и кинул Барри Гоголадзе в канаву. – Подумают, что сбила машина.

– Голого?! – хохотнул Жаглин.

– Да какая разница? Давай!

Жаглин поднял большой чёрный пистолет. Он был бы не Жаглиным, если бы не присвоил себе оружие. Грохнул выстрел. Барри Гоголадзе изогнулся дугой. Жаглин выстрелил ещё раз.

– Кажется, готов, – сказал он, разглядывая грузина.

¹⁶ – Он площадь мостит.

¹⁷ – Я не виноват!

Они забросали его прошлогодней листвой и ветками.

– Вонять будет, – равнодушно сказал Жаглин.

– Чёрт с ним, – ответил Цветаев. – Он наших пытал.

– Лучше бы мы его кастрировали, – мечтательно сказал Жаглин.

Ему было обидно, что всё так быстро кончилось и все его унижения остались не отмщенными.

– Жалко, что ли? – испытующе спросил Цветаев и пристально посмотрел на него.

Жаглин пожал плечами. Похоже, он не испытывал всего того, что испытывал Цветаев.

– На войне как на войне, – сказал он, намекая, что член грузина имеет к ней непосредственное отношение.

– Тебе виднее, – ответил Цветаев, полагая, что никто не вправе соваться в личные дела Жаглина.

– Я вернусь, дверь поставлю, – вдруг потупился Жаглин. – Да и развязать Зинку надо. А ты иди, иди. Тоша уже вернулся...

– Как хочешь, – согласился Цветаев, ему было жаль Жаглина: ещё никто так глупо не влюблялся; ещё женится, не дай бог, подумал Цветаев.

Темнело, но пока хорошо было видно, особенно на открытом месте. Жаглин пошёл наверх, Цветаев предпочёл нижнюю часть улицы, помятуя, что не стоит возвращаться той же дорогой. На душе было паскудно, не потому что они убили американца грузинского происхождения, а потому что привык к честной борьбе. Однако по-другому не получилось бы, думал Цветаев, он Орлова пытал. И всё равно подобное объяснение ему не нравилось, ненавидел он такие убийства и вспомнил всё: и Славянск, и Одессу, и Харьков, вспомнил, как они учились делать «напалм» из солярки, гудрона и бензина, вспомнил всех, стоящих насмерть, и убитых, которые до сих пор стоят насмерть, но не испытал прежней злости, той злости, которая была у него, когда он ехал сюда. Выдохся, решил он, мать твою! Размяк, успокоился, а ведь так можно и проиграть, решить, что борьба кончилась. А ведь я просто к ней привык, сделал он открытие и встал как вкопанный: там, за углом магазинчика, торчали трое. Один оправлял малую нужду, а двое других зубоскалили:

– Петро, а Петро, а я знаю, что ты дрочишь! – говорил брыдлый.

– Я не дрочу, я не дрочу... – отвечал Петро-вымесок, в широких, как Чёрное море, шароварах и... жёлтом идиотском кушаке.

– А я знаю, что ты дрочишь! Всем расскажу, что ты дрочишь!

– А-а-а... не говори никому, не говори! – хватился Петро-вымесок за голову.

– А я расскажу, расскажу! – страдал брыдлый.

– Нет, не надо, не надо!

– А я расскажу, расскажу! – издевался брыдлый.

Потом они увидели его, и по выражению их глаз он понял, что мимо не проскочить, хотя на нём нет оружия, только в левом кармане граната, но поди её разгляди, просто он стал свидетелем издевательства одного над другим. Старый приятель страх цапнул его, как пёс в подворотне, но, слава богу, не парализовал. Третий, который оправлялся, дёрнул, и последняя капля ещё летела на землю, а Цветаев, заметив ко всему прочему машину на обочине, уже одной ногой ступил на крыльцо магазинчика. Это был единственный путь к спасения: бежать было некуда. Вот когда он пожалел, что у него нет автомата.

– Стой, москаль! – опомнился Петро-вымесок и бросился за ним.

На бритой голове у него болтался жидкий оселедец, и шейка была тощая-тощая, как у курёнка. Второй, грузный и оплывший, который издевался – брыдлый, доставал нож из сапога, а третий, ерохвост, породистый и самодовольный, передергивал затвор АКСУ, полагая, что даже это лишнее, что они и так возьмут москаля и потешатся вволю.

Бандерлоги только одного не учли, что со свету не разглядеть, что делает москаль за прилавками. А между тем, Цветаев разогнул жёсткие усики, один из них сломался, дёрнул чеку, посчитал: «Три с половиной» и бросил им гранату под ноги, а сам прыгнул в дверь подсобки. Громко, словно лопнула жестянка, щёлкнул ударник, и раздался взрыв. Магазинчик солидно трянуло, в потолке возникли дыры. Цветаев ощутил, что во время прыжка задел ногой за ящики, ему показалось, что джинсы затрещали. Он выглянул. Вымесок, держась за грудь, качался над прилавком:

– А-а-а...

У брыдлого было снесено лицо, и кровь била фонтанчиками сквозь пальцы. Красавчику ерохвосту повезло меньше всего: ему посеколо пах и ноги, пол был залит кровью. Цветаев схватил его автомат, выскочил из магазина и, ведя ствол справа налево, положил на асфальт водилу, который бежал на помощь к своим. После этого, повинаясь инстинкту самосохранения, бросился в сторону Днепра, ибо пробиваться на явку не имело смысла: вдруг она засвечена. Так что надо было просто уходить туда, где меньше всего стреляли. А за спиной стреляли как раз очень и очень сильно.

Цветаев пробежал уже порядочно, по Бастионной, через ботанический сад, и только когда вдалеке блеснул Днепр, понял, что ранен. Правая нога плохо двигалась, и в районе бедра возникла боль. Он нашёл укромное место в низине, между кустов жимолости, распорол ножом штанину и, нащупав головку гвоздя, выдернул его из раны. Кровь пошла обильнее, и боль стала почти невыносимой. Закусив губу, он достал перевязочный пакет, который всегда носил с собой, наложил повязку и перетянул ногу ремнем. И только потом уколол себе промедол, хотя надо было всё сделать наоборот. Боль отпустила, в голове вдруг что-то щелкнуло, и он на некоторое время забылся.

Привиделась ему Наташка, как они, болтая, шли весной под зонтиком и как он тайком, словно на первом свидании, вдыхал запах её волос, и то его романтическое начало, которое всегда жило в нём, сотворила странную вещь: он вдруг понял всю свою жизнь и сообразил, что никогда-никогда не будет до конца счастливым, не потому что не стремился к счастью, а потому что печать всёпонимания лежала на нём. И от этого некуда деться.

Очнулся он словно от толчка и понял, что любит Наташку в тоске, и что больше такого никогда не повторится. Не дано больше никого полюбить, подумал он, не дано, и посмотрел туда, куда вечно глядел Владимир Великий – на восток.

Светила яркая луна в декорации ночных облаков, и между деревьев блестел Днепр. Под ногами оказалась обычная асфальтовая дорожка. Цветаев встал и, охнув, тут же упал. Правая нога была словно чужая. Костыль, а не нога. Тогда он пополз вверх, в город, не оттого ли, что у самой воды дрались американский собаки. Их яростный, животный рык заставлял двигаться быстрее. Наконец-то он сообразил, что не может идти оттого, что нога перетянула, и отпустил ремень. В конце серпантина он уже сумел подняться и заставил себя ковылять, чувствуя, как в ране пульсирует огромный шар, но нога слушалась, и у него появилась надежда.

И тут он обо что-то споткнулся и упал, а когда поднял глаза, то увидел Жаглина. Он сразу понял, что Жаглин мёртвый, потому что у него не было половины головы, и мозг, как перебродившее тесто, свисал из раны.

– Сашка! Старик! – невольно воскликнул он и дёрнул его за руку, которая была в гипсе.

Голова качнулась, мозг перевалился через край и, как густой кисель, сполз на землю. Цветаев почувствовал приступ рвоты, во рту появился кислый привкус, и его, наверное, стошнило бы, но в этот момент они и выскочили: целая стая в блестящих кольчугах. Выскочила и замерла, вожак ощерился, зарычал, и вся стая зарычала, как она привыкла рычать при виде живых людей, чтобы забрать своё – мертвецов, и он, повинаясь слепому инстинкту выживания, подтолкнул им Жаглина. Стая как будто поняла его, с рычанием схватила

Жаглина и утащила вниз, ломая кусты. Некоторое время он слышал, как они ещё пуще грызутся. Потом всё стихло, потом раздался плеск волн, потом на острове кто-то крикнул: «Бля! Бля! Бля!», словно аккордом нанизывая одно событие на другое. И снова всё замерло в ожидании одобрения равнодушной луны.

* * *

Нога болела так, что дергало от пятки до макушки, наверное, был задет нерв. Цветаев и ступал-то на неё боялся. Однако когда вошёл в кафе «Каратель», ставил ногу на всю подошву, не подавая вида, что ему больно.

Пророк сказал:

– Жди меня здесь. – И ушёл в глубину помещения.

Это было единственное кафе рядом с Крещатиком, которое не побоялось открыться. Цветаев сел на бархатный стул, вытянул ногу и посмотрел в окно. По небу плыли белые облака, между ними голубело радостное небо. В любую минуту мог начаться летний дождь. Странно было видеть буйную зелень. Раньше он её едва ли замечал, но под ней умирали люди, и зелень часто была обрызгана кровью, поэтому Цветаев косился на неё с большим подозрением, словно именно в ней была причина рукоблудной войны.

Цветаев так отвык от цивилизации, что с жадностью стал смотреть вокруг и на девушку в белом, шустро сбежавшую вниз, и на пышную даму с коляской на балконе, его умилял даже кот на поводке, которого выгуливал толстый дедушка в соломенной шляпе. Посетителей в кафе не было, только из арки со стороны Прорезной вышли двое. Одного из них Цветаев узнал. Накануне Пророк показал его фотографию и сказал: «Его надо запомнить. Это Василий Гирный. Сейчас он наш друг. Не застрели его раньше, чем мы поговорим». Друг так друг, подумал Цветаев равнодушно, давно привыкнув в юмору Пророка, поэтому особенно не напрягался, когда эти двое тоже вошли в кафе, только снял автомат с предохранителя и, положив на колени, закрыл краем скатерти. В любом случае он привык рассчитывать только на себя.

– Спокойно, – сказал второй, которого он не знал. – У нас встреча.

Цветаев кивнул, и Василий Гирный вошёл вслед за Пророком, а его охранник сел напротив Цветаева, и это ему не понравилось.

– Ми тимчасові союзники¹⁸, – развязано сказал охранник и достал сигареты.

– Так уж и временные? – удивился Цветаев, хотя Пророк предупредил его, что на них вышли майданутые и хотят пообщаться по очень важно для них вопросу.

Конечно, они были разными: от полных отморожков, до вполне вменяемых желто-голубых кретинов, но для него все они были: с левой резьбой, с мозгами набекрень, с ушами, забитыми натовской пропагандой, да и встречался он с ними только ночью и разговаривал только с помощью ножа.

– Тоша, ты уверен, что это не ловушка? – спросил Цветаев, когда они сели в машину.

– Уверен, – коротко ответил Пророк.

– А СБУ?..

Вопрос не был риторическим: наущничество стало отличительной чертой киевлян. Сотни людей обычно следили за тобой из окон, две трети из них тут же звонила в СБУ или в ближайшую сотню. Правда, в этом был свой плюс – излишек информации приводил к неразберихе.

– А что СБУ?

– Если тебя опознают?..

¹⁸ – Мы временные союзники.

Пророк почесал затылок и был краток:

– Волков бояться в лес не ходить!

Цветаев заткнулся. Видать, наверху всё согласовано, решил он и успокоился, хотя ему совсем не нравилось соваться на площадь «Нетерпимости», где каждая шавка считает себя волкодавом.

– Уяви собі¹⁹, – так же развязано сказал охранник и закурил, сизый дым поплыл в тёплом, летнем воздухе.

Оружия при нём вроде не было, но когда он наклонился, Цветаев заметил за поясом, под рубашкой, пистолет.

– Часи змінилися²⁰, – добавил охранник.

– Что припекло? – спросил Цветаев с подковыркой.

– Ну да, – добродушно кивнул охранник.

Был он поношенный, как старый пиджак, с морщинистым лицом и с неизбывной тоской в глаза. Такую тоску Цветаев всё чаще замечал у майданутых: восток их придавил, а запад не принял, вот они и оказались между огней, мечта о ЕС растаяла как дым.

– Тогда зачем стояли на майдане? – не удержался он, ожидая, впрочем, любой реакции и незаметно для себя сжал цевье автомата.

– Проти олігархів, і за свободу²¹, – отгарабанил старый пиджак.

– Зачем опять выбрали олигарха? – во всё той же издевательской манере поинтересовался Цветаев.

– Так ось за цим і прийшли²², – покорно ответил старый пиджак.

– В смысле? – удивился Цветаев, которого Пророк, как всегда, не посвятил в тонкости миссии.

– Погані «пшеки» сюди рвуться²³.

– Сами не справитесь? – удивился Цветаев.

– Самі не впораємося. Політика, мати її за ногу!²⁴ – ответил старый пиджак.

Цветаев согласно кивнул, хотя мало что понял. Они помолчали. Под цветущей бузиной, в которой с удовольствием чирикали воробьи, тощая кошка закапывала свои экскременты. Дождь всё-таки пошёл – ненастоящий, редкий. На площадь потянулась колонна рабочих.

– Мене Дмитром Полторабатька звати, – вдруг протянул руку старый пиджак. – Ми з Василем з самого початку тут стоїмо²⁵.

– Понятно, – удивился Цветаев.

Обычно бандерлоги отвечали на подобные вопросы после того, как их хватили за ноздри и выворачивали наизнанку, а этот разоткровенничался. Странно, решил Цветаев и ещё больше напрягся. Впрочем, расслабиться ему не давала нога – дёргала от пятки до макушки, в этом заключался тайный смысл, значение которого Цветаев ещё не понял. Может, потому что боль не давала ему поверить в искренность Полторабатька, а может, посылая тайные знаки из вселенной?

– Стали б комусь довіряти²⁶.

¹⁹ – Представь себе.

²⁰ – Времена изменились.

²¹ – Против олигархов, и за свободу.

²² – Так вот за этим и пришли.

²³ – Поганные «пшеки» сюда рвутся.

²⁴ – Сами не справимся. Политика, мать её за ногу!

²⁵ – Меня Дмитрием Полторабатька зовут. Мы с Петром с самого здесь начала стоим.

²⁶ – Стали бы кому-то доверять.

– Это правильно, нам доверять нельзя, – кивнул Цветаев. – Так что они захотели, эти «пшеки»?

– Відрубати собі земельки нашій!²⁷

– А вы что? – удивился Цветаев.

Обычно западенцы стояли за свою землю насмерть, а теперь их нагнули из-за океана и из Европы, вот они и задёргались. Впрочем, нашёл, чему радоваться, всё идёт по планам гарвардского и хьюстонского проектов: с одними обязанностями, но без прав, с подчинением, но без правил. Так что нечего удивляться и плакаться. Сами виноваты, взрастили в себе рабов, сунулись в чёрный ящик, а в нём дна не оказалось.

– А ми не хочемо!²⁸

– Ну и правильно, – великодушно согласился Цветаев, – нечего землю разбазаривать! Отыгрываем назад. Не вы её завоевывали.

С минуту Полторабатька молчал, только, набычившись, вращал белками.

– Ти зомбі, ватник, москаль! Твої ЗМІ всі брешуть!²⁹ – вдруг вспылал он, сообразив, видно, что над ним издеваются.

– Хер тебе на весь бендеровский макияж! – в тон ему ответил Цветаев и чтобы Полторабатька не питал особых иллюзий насчёт своего пистолетика, показал из-под скатерти зрачок автомата. – И Киев наш будет, и Ровно, Львов, и Мукачево! А вы со своими «пшеками» вылетите в два счёта!

Впрочем, он, конечно, зря горячился, реальность была иной, и с ней нельзя было не считаться. Полторабатька так же внезапно успокоился, как и вспылал, выпустил из ноздрей дым и загадочно произнёс:

– Видно буде³⁰.

– Так я ж тебе о том же. На фиг вам эти «пшеки», – с жаром заговорил Цветаев. – Они же нищие! А мы лучше, у нас газ есть и ракеты! И на одном языке разговариваем!

– Ось те ж і воно³¹, – согласился Полторабатька и почесал лысину, покрытую редким пушком.

Цветаеву посмотрел в окно и ему показалось, что он в хорошо знакомом человеке видит привидение, но почему-то не может узнать его. У него даже нога перестала дёргаться. Так это же... Орлов! – сообразил он и отвернулся, чтобы Полторабатька ничего не заподозрил. Вот тебе и знак!

– А не выпить ли нам? – предложил Цветаев совсем другим тоном и почесал шрам на груди. – Кто старое помянет, тому глаз вон!

– Ха! – враждебно кивнул Дмитро. – Я з ворогами не пью³²!

– Как хочешь, – равнодушно заметил Цветаев и снова уставился на Орлова, его так и тянуло к окну.

Орлов, не обращая внимания на дождь, всю орудовал киянкой, восстанавливая брусчатку площади. Цветаев с трудом узнал его только по глубокому шраму на скуле. Гектор был ранен под Семёновкой осколком в лицо. Он словно усох на треть, а щетина с ранней проседью чрезвычайно старила его. Надо ему знак подать, сообразил Цветаев.

– Слушай, – он заставил себя посмотреть на Полторабатьку. – Если ты пить со мной не хочешь, позови того парня, я выпью с ним.

²⁷ – Оттяпать себе землицы нашей.

²⁸ – А мы не хотим!

²⁹ – Ты зомби, ватник, москаль! Твои СМИ всё врут!

³⁰ – Видно будет.

³¹ – Вот то ж и оно.

³² – Ха! Я с врагами не пью!

– Знакомый, чи що?³³

– Кажется, я его где-то видел, – признался Цветаев. – Сделаем подарок человеку ради удачи.

Полторабатька подумал:

– Удачи у нас різні...³⁴

– Согласен. Но сегодня они совпали...

– Гаразд... чорт з тобою! Але в бою нам краще не зустрічатися!³⁵

– Замётано, – поспешнее, чем надо, согласился Цветаев.

Ему не терпелось подать знак Орлову. Полторабатька странно посмотрел на него:

– Не збагну я тебе, начебто вороги, а говоримо про одне й те ж³⁶.

– Бывает, – снова поспешно согласился Цветаев.

Он боялся подать вида, что его сильно интересуется Орлов.

– Гаразд³⁷, – решительно сказал Полторабатька.

Было заметно, что он самому стало интересно, чем это всё кончится. Он поднялся и выдал свою страсть:

– І на мене візьми!³⁸

Он был алкоголиком, должно быть, в третьем поколении, и печень его усохла, как старый гриб.

Пока Цветаев, стараясь не хромать, ходил бар, пока неспешно выбирал, что взять «армянский» или «грузинский», пока заказывал бутерброды и два литра «пепси-колы», Полторабатька привёл Орлова и усадил его так, чтобы не ощущать его запаха. Руки и Орлова были похожи на кузнечные клещи, а старая армейская форма была рваная и чёрная. Но самое страшное, что на измождённом лице у Орлова застыла такая покорность, что у Цветаева по спине пробежал холодок. Сломали, подумал он, специально подходя так, чтобы Гектор увидел его издали. Гектор действительно увидел его издали, но не изменил выражения лица. Шрам на его левой щеке казался трещиной в коре дерева. Они пожали друг другу руки, у Цветаева словно с души камень упал:

– Выпьешь, приятель?

Орлов разлепил сухих губы:

– Выпью, – хрипло ответил он, но посмотрел не на коньяк, до которого был весьма и весьма охоч, а на «пепси-колу».

– Ха! – высказался Полторабатька. – Кажет, що тебе знає³⁹.

Это была провокация, и Цветаев понял, на чём Полторабатька решил сыграть, на подлости, но у него не вышло, потому что Орлов был стрелянным воробьём и просто так не прокалывался.

– А-а-а... – снова разлепил сухие губы Орлов, – может и знает, только я его не знаю.

Он снова уставился на «пепси-колу», как на манну небесную, кадык у него непроизвольно дёрнулся, а сухие железки попытались выдавить слюну.

– Наливай и пей, – приказал Цветаев грубым голосом.

На одно-единственное мгновение глаза у Орлова вспыхнули куражным светом. Ни у кого из их компании глаза не вспыхивали, а у него вспыхивали. Орлов схватил бутылку так,

³³ – Знакомый, что ли?

³⁴ – Удачи у нас разные...

³⁵ – Ладно... чёрт с тобой! Но в бою нам лучше не встречаться!

³⁶ – Не пойму я тебя, вроде враги, а говорим об одном и том же.

³⁷ – Ладно.

³⁸ – И на меня возьми!

³⁹ – Говорит, что тебя знает.

словно испытывал жажду сто лет, налил и выпил два бокала кряду, только тогда, кажется, его отпустило. С вожделением посмотрел на коньяк. Изящная рюмка хрустнула в его заско-рузных руках.

После коньяка Орлов с жадностью и невероятной быстротой проглотил, не жуя, три бутерброда с маслом и красной икрой. На Полторабатька он старался не смотреть, на лице было написано удивление: «Зачем всё это, я и так проживу на воде и хлебе». Хороший артист, решил Цветаев, уважаю!

В гражданской бытности они так много квасили вдвоём, что теперь понимали друг друга с полуслова. Он налил ему ещё. Орлов облизываясь скоро, как кошка, выпил и про-глотил ещё одни бутерброд.

– Все! – сказал Полторабатька. – Вистачить! Іди працую!⁴⁰

Орлов вскочил. Лицо его снова приняло покорное выражение, и Цветаев понял, что это маска, чтобы выжить.

– Возьми «пепси-колу» и все бутерброды, – сказал он.

Полторабатька негодуя запыхтел:

– Все-одно віднімуть!⁴¹

– Тогда пей и ешь здесь! – приказал Цветаев.

И Орлов, обнаглев окончательно, влил в себя «пепси-колу» и в два приёма впихнул в себя бутерброды. Он клал их в рот, и они ту же, как по мановению волшебной палочки, исчезали. По губам у него текло.

– Якщо це твій товариш, то я йому не заздрю⁴², – сказал Полторабатька.

– Это мой соотечественник, – короткой ответил Цветаев, наблюдая, как Орлов пошатываясь от сытости, бредёт по дорожке, а навстречу к нему уже бежит охранник.

Дальше произошло то, чего надо было, конечно же, предвидеть: Орлова избили, но показушно, совсем не в полную силу, к тому же он весьма ловко прикрывался, как боксёр. В результате отделался парой ссадин, и когда Цветаев в очередной раз взглянул на него, ему показалось, что на разбитых губах Орлова мелькнула знакомая ухмылка, означающая: «Я буду ждать. Я всё понял».

Коньяк они с Полторабатька допили и пожелали друг другу сквозь зубы ни пуха ни пера. О чём договорились Пророк и Василий Гирный, он так не понял, а Пророк не счёл нужным его просветить.

Дождь в очередной раз принёс прохладу и свежий ветер.

⁴⁰ – Все! Хватит! Иди работай!

⁴¹ – Все равно отнимут!

⁴² – Если это твой товарищ, то я ему не завидую.

Глава 2. Капитан Игорь

– Знакомься, – представил Пророк, – Игорь.

– А фамилия? – спросил задумавшийся Цветаев.

Он сидел за столом, яркое солнце отражалось в чайнике, и чайная ложка почему-то так и застыла на пути к сахарнице, разумеется, он думал о своей жене Наташке: как они будут счастливы после войны, и почему-то ему не верилось.

– Не надо фамилий, – вдруг сказал Пророк, – просто Игорь.

Чем-то неуловимо похожий на Джорджа Клуни⁴³, в рубашке от Армани, в солнцезащитных очках от Боттега, слегка надушенный, со спичкой во рту, всё последующее время этот пижон не вынимал её изо рта. Из столичных, решил Цветаев, но ошибся.

– Капитан Игорь, – поправил вошедший, снял очки и повернул голову в сторону удивлённого Цветаева, до этого он с непонятным выражением на лице смотрел в окно на деревья и небо: не то чтобы с озлоблением, а казалось, с чувством превосходства над миром, словно он один знал тайну мироздания, но никому не собирался её открывать.

– Хорошо, – согласился Цветаев, хотя ему и не понравился капитан.

Высоким, черноволосый, с благородной сединой на висках, невозмутимый, как мёртвая свинья, и Цветаев удивился: такого заметишь за версту. Зачем он?

– Между прочим, тоже любит работать ночью, – многозначительно сказал Пророк и обескураживающее улыбнулся.

Собственно, наверное, за эту улыбку Цветаев ему всё и прощал. А то бы, ей богу, ушёл, подумал он с тоской, на вольные хлеба, как ходил до этого, ничем, кроме ненависти, не обременённый.

Цветаев понимающе кивнул:

– Коллега, значит?

– Коллега, – неопределённо согласился капитан Игорь, усаживаясь за стол, и так он это произнёс, с такой подковыркой, что Цветаев сообразил: гусь свинье не товарищ, дареному коню в зубы не смотрят, большому кораблю – большое плавание, и понял, что капитан Игорь из спецназа, может быть, даже из ГРУ⁴⁴, раз его сюда занесло. Большая шишка, однако, по нашим меркам!

Пальцы у капитана Игоря оказались длинными и холеными, как у пианиста, лицо жёсткое, глаза словно задёрнуты шторой, не поймёшь, то ли насмешливые, то больные, фразы короткие, рубленные, сразу видно, что не расположен к общению. Как же с ним воевать? – удивился Цветаев. И вдруг у него мелькнула мысль: «У каждого из нас в жизни появляется такой человека, которого придётся запомнить навсегда». Это не было похоже на пророчество, это было похоже на плохое предчувствие.

– Пойдёшь в прикрытие, – сказал Пророк.

И снова недоговорённость, как тень, мелькнула на его лице: негоже, ох, как негоже, посылать друга с капитаном, однако, приказали, понял Цветаев, и дурашливо взял под козырёк. А то, что нас с гулькин нос, никого не волнует. Другой кандидатуры нет. Цветаев невольно оглянулся, словно за спиной стоял Жаглин, но никакого Жаглина, естественно, на кухне не было, Жаглина разорвали американские собаки. И пора было к этому привыкнуть, но привыкнуть Цветаев не хотел. Всё ему казалось, что вот-вот появится Сашка со своей дурацкой присказкой: «Ляха бляха!» и заржёт, как конь во время гона. Пророк его понял и незаметно погрозил пальцем, мол, знаю я твой длинный язык.

⁴³ Американский актёр.

⁴⁴ Главное разведывательное управление России.

– Старик, а как же Гектор?! – возмутился Цветаев, теперь уже вовсе не обращая внимания на капитана Игоря. – Как же он?! Мы же договорились!

– Ну-у-у... – спрятал глаза Пророк, – придётся подождать!

– Тоша, – сказал Цветаев проникновенно, – а если он там загнётся?.. Если?.. Каждый день дорог! Ты же знаешь!..

Он едва не добавил: «Ты же знаешь, как они обращаются с нашими!», но не хотел показаться сентиментальным в глазах высокомерного капитана Игоря. Казалось, капитан всё понял, и ехидная усмешка мелькнула на его губах, словно говоря: «Слаб ты ещё Цветаев, страдаешь фигнёй, как поносом. Какой же ты, к чёрту, профессионал! Профессионал – это равнодушный угол чемодана, бесчувственный фонарь на столбе или высокомерное солнце в небе, но никак не сопли до колен».

– Слушай, – рассердился Пророк, – не грузи меня! Всё знаю, всё помню.

– Ты что, считаешь его дезертиром?! – строго посмотрел на него Цветаев. – Считаешь?! – потребовал он.

Герку вытащу, подумал со злости Цветаев, и уйду на восток, надоело мне здесь говно хлебать.

– Нет, конечно... – снова отвёл глаза в сторону Пророк.

– Тоша, Гектор не дезертир и не предатель! Я это точно знаю, гоняли бы его на работу?!

Было много и других аргументов, но остальные он в горячке забыл, как забывал всегда в подобных обстоятельствах.

– А если они тебе его специально подсунули? – вдруг наклонил лобастую голову Пророк.

И глаза его совершенно не понравились Цветаеву, были они пустыми, как у столетнего деда, озабоченного тем, как прожить следующий день и не загнуться на стульчаке.

– Скотина ты!

– Я скотина?!

– Ты скотина! У тебя мания! Ты сумасшедший! Ты видел его?! Ты его не видел! От него ничего не осталось. Тень от прошлого, старик, а он наш одноклассник! – напомнил ему Цветаев.

Прошное – оно не давало ему соскочить с рельсов, оно говорило о смысле жизни и будущем, в которое он верил, как в самого себя и свою жену-умницу.

– Варёные мухи! – только и воскликнул поражённый капитан Игорь.

– Жека... – отступил на полшага Пророк, – ты ещё не всё знаешь!

Если бы он не водился с ним с детства, то решил бы, что он испугался, но Пророк, конечно же, не испугался, по большому счёту, ему плевать на меня и на Орлова, главное, победить, и всё тут. Всё это мгновенно промелькнуло у него в голове.

– Почему не всё? Расскажи, я послушаю! – он оглянулся на капитана Игоря, призывая его в союзники. – Скажи ему, скажи, чего ты молчишь, как жук в муравейнике!

– Не могу! – вспыхнул Пророк. – Пока не проверю, ничего не скажу!

– Нет, ты скажи, скажи! – настаивал Цветаев. – Скажи в присутствии капитана!

Видно, Ирочка его перестала утешать, решил Цветаев, иначе чего он такой злой?

– Я сказал, что не могу, значит, не могу. Честное пионерское! – и дурашливо перекрестился, пытаясь сгладить разговор.

И Цветаев понял, что мешает капитан Игорь, но и без него Пророк вряд ли бы разоткровенничался, такая у него натура. И всё равно Цветаев не мог остановиться:

– Дай мне его вытащить, и я в полном твоём распоряжении!

– Ты ещё ползать не можешь, а уже туда же! Сходишь на это дело, а потом катись на все четыре стороны!

Цветаев в отчаянии выругался:

– Ляха бляха!

Пророк самодовольно поморщился. Знает что-то, знает, подумал о грязных намёках Цветаев. Он хотел сказать, что съел с Гектором пуд соли и, вообще, какой он правильный в деле и честный «по жизни», но не сказал, не из-за капитана Игоря, а потому что Пророк и сам всё знал о Гекторе, и, оказывается, дружбе его грош цена.

– Я же не виноват, что меня ранило! – нашёлся Цветаев, полагая, что таким образом напомним Пророку о их безоблачном прошлом.

Просто Цветаев хотел, чтобы его совсем чуть-чуть пожалели, и в этом невольно была виновата жена Наташка, которая приучила его к таким ощущениям, и эти ощущения, как и воспоминания, ему были дороги. Любил он её и не мог забыть.

– Не виноват, – быстро согласился Пророк, явно не желая посвящать капитана в историю гибели Жаглина. – Но здесь дело важнее!

– В смысле?! – снова возмутился Цветаев и, как обычно, начал злиться.

Явку они сменили опять же из-за принципов Пророка. Пришли к мнению, что она хоть и не засвечена, но тактика конспирации превыше всего: два дня перетаскали шмотки. Теперь из кухонного окна был виден Днепр, мосты, а раньше – сплошные дома и крыши. «Сашку жаль», – вдруг сказал Пророк, и на этом историю забыли, только Цветаев ловил себя на мысли, что ему снова и снова хочется без всякой видимой причины заорать дико, как Жаглин: «Ляха бляха!», в исполнении Жаглина прибаутка звучала особенно колоритно, было что-то в ней такое, что никто не мог повторить. Помнится, он зубоскалил: «Господи, я так любил Виктора Цоя, и ты забрал его! Господи, я так любил Михаила Круга, и ты забрал его! Господи, я так любил Майкла Джексона, и ты забрал его! Господи, я так люблю новую киевскую хунту!.. Заранее тебе благодарен!» А потом хлопал себя по ляжкам, качался вперёд-назад и дико ржал, как конь, демонстрируя огромные белые зубы.

– Игорь у нас снайпер, – сказал Пророк демонстративно вежливо.

Таким же тоном он разговаривал по спутниковому телефону с высоким начальством, разве что не вытягивался в струнку.

– Антон, но ведь я же сто лет оружия в руках не держал! – вспыхнул Цветаев. – Какой из меня стрелок?!

– Зато, как ящерица, везде проскользнешь, а оружие – не спицы, всё вспомнишь.

– А как же снайперская тактика? Я же ни сном ни духом!

В этом заключалась правда без прикрас: кто тебя научит за пять минут, капитан Игорь, что ли? Оно ему надо, чужое горе? Цветаев посмотрел на него и засомневался ещё сильнее: капитан Игорь лихо гонял во рту спичку, говоря тем самым, что опасения твои имею под собой место быть, а лохов я не потерплю.

– Разберёшься, Жека, разберёшься. Акция разовая. Сводишь, и назад, – Пророк вопросительно уставился на капитана Игоря.

Но капитан Игорь его не подержал, на лице у него был написан сплошной скепсис: «Возись здесь с детским садом». Спичку он ловко перекачивал справа налево и наоборот.

Тогда Цветаев спросил назло капитану Игорю:

– А когда идти?

– Нога заживёт, тогда и пойдёшь, – жёстко ответил Пророк и отвернулся, давая понять, что разговаривать больше не о чём и что Цветаев ему до смерти надоел со своим Орловым, то бишь Гектором, то бишь Геркой, то бишь общим школьным идиотом, которого принесли в жертву обстоятельствам.

Ясно было, что франтоватый капитан Игорь ему нравится не больше, чем Цветаеву, но ничего не поделаешь, таков приказ сверху.

Капитан Игорь счёт возможным объяснить:

– Так легче пересечь границу, – и показал на свой прикид.

– Ладно, – махнул Цветаев и спросил у Пророка: – А на кого охотимся?

Он уже сроднился с мыслью, что как только нога заживёт, отправится за Орловым, хотя бы узнает, где его прячут. Ясно, что недалеко от майдана, раз гоняют на работу.

– Неважно, – ответил Пророк.

После СБУ он заматерел и начал безудержно хамить, словно наверстывая упущенное, и намерен был оставаться таким до конца дней своих.

– Хорошо, – окончательно обиделся Цветаев. – Тайны от своих?!

Слишком часто Пророк злоупотреблял этим, и Цветаев имел право на ответ.

– Скажу перед выходом, мало ли что, – подло улыбнулся Пророк, – чтобы не про-
текло, – пояснил он, глядя на недовольного Цветаева. – Ты же в магазин ходишь?

После того, как его предал друг, он никому не доверял. У него появилась просто мания на этот счёт: никому ничего не сообщать, и от этого глаза у него с каждым днём делались всё отчаяннее и отчаяннее из-за событий на востоке, словно он говорил: «Пойми, я по-другому не умею, честный я, и всё тут!»

– Хожу, – проямил Цветаев.

– А вдруг тебя возьмут! – Пророк явно ёрничал, чтобы позлить, чтобы сбить с толку, чтобы запутать окончательно и бесповоротно.

– Ну тебя к чёрту со своей конспирацией! – вспылil Цветаев, уж он-то не собирался играть в кошки-мышки, уж он-то всё понимал в друге.

– И без обид! – оборвал его Пророк. – А пока снимай штаны, посмотрим, что у тебя с ногой.

Цветаев не захотел разоблачаться перед капитаном Игорем, поэтому пошёл в большую комнату, стараясь не хромать. Тоже мне диктатор, думал он рассерженно, командует, как хочет. В коридоре стояли чемодан и винтовка в футляре.

– О! – обрадовался Пророк, безжалостно отодрав с раны лейкопластырь.

– Что там? – недовольно спросил Цветаев, безуспешно стараясь разглядеть рану.

Ему не нравилось красоваться без штанов.

– Можно не заклеивать, зажило, как на собаке.

И на том спасибо! Цветаев сразу почувствовал, что способен хоть танцевать. До этого думал, что всё ещё болен, и хромал, а теперь мгновенно выздоровел.

– Тогда, может, сегодня?.. – ненавязчиво спросил Пророк, и в его голосе прозвучали просящие нотки.

Ага-а-а, злорадно подумал Цветаев. Чёрт с тобой, прощаю в очередной раз, и велико-
душно ответил:

– Можно и сегодня.

Видно, тебя здорово напрягают, подумал он, раз ты торопишься, и спросил ещё раз:

– На кого идём?

И снова его голос располагал к благодущию, ибо он по-своему любил Пророка, как ему казалось, прощал ему все его слабости.

– Ты дебилятор⁴⁵ смотришь? – спросил Пророк, возвращаясь к прежней своей лукаво-
сти. – Оттуда иногда, даром что майданутое телевидение, кое-что интересное можно почерп-
нуть.

– Например?.. – Цветаев вопросительно посмотрел на Пророка. – Ах! Да! Точно! –
хлопнул себя по лбу. – Этот?! – он восхищённо наставил на Пророка палец.

– Конечно! – спокойно ответил Пророк, и Цветаев тут же окончательно простил его. –
А кто ещё?!

– Ты думаешь, мы его достанем?!

⁴⁵ Телевизор.

Его охватил ажиотаж. Грохнуть такую мишень даже в ожидании смертельно опасного резонанса имело смысл хотя бы потому, чтобы отбить у «пшеков» охоту совать нос не в свои дела.

– Естественно, – сказал Пророк.

– Старик! – воскликнул Цветаев. – Кто ж против! – Он едва не подпрыгнул, да нога всё же подвела, подкосилась в неожиданный момент.

Если он и подчинялся Пророку, то исключительно из-за того, что они втроём: он, Пророк, в бытности Антон Кубинский, и Гектор Орлов, просто Герка, учились в одном классе и знали друг-друга целую вечность. И в этой вечности было всё: вино, девочки, танцульки и куча общих знакомых, многих из которых теперь нет в живых, и даже тот предатель, Лёха Бирсан, из-за которого Пророк попал в СБУ. Но они об этом не вспоминали, недостойн был человек воспоминания, и всё тут! Вычеркнули они его из своей жизни на веки вечные.

– Я рекомендовал тебя как лучшего разведчика! – в следующее мгновение жёстко сказал Пророк. И Цветаев понял: прелюдия закончилась, началась работа. – Что поделаешь, удача тебя любит! – добавил он таким тоном, что лучше бы выругался матом.

– Ляха бляха! – неожиданно для себя сказал Цветаев и ещё хлопнул себя по лбу, сетуя-таки на свою несообразительность.

Хунта не справилась: перегрызла друг другу глотки. Очередного претендента на то, что осталось от Украины, решил благословить эмиссар Еврокомиссии, некий граф Сморчевский-Потоцкий, который шулки ради намеревался установить власть над тем, что ещё есть, или точнее, что осталось, иначе и это отберут. Это было преподнесено как возврат исторических земель под названием «Воеводством Запорожская Сечь», «пшеки» вспомнили своего Юзефа Пилсудского, его проект «прометеизма» и потирали руки от удовольствия, мечтая о новом «Междуморье»: империи от Балтики, до Тавриды.

Цветаев вернулся на кухню. Капитан Игорь хозяйничал у плиты. Во рту у него торчала неизменная спичка.

– Плавать умеешь? – спросил он с каким-то непонятным смыслом.

– Умею, – ответил Цветаев, пытаясь уловить ход рассуждений капитана Игоря. Он уже понял, что капитан Игорь просто так ни о чём не говорит.

– А ты?

– На Иртыше учился, – приоткрылся капитан Игорь.

– А я – на Чёрном море, – не мог не похвастаться Цветаев и по-детски ухмыльнулся.

В своё время он ездил с женой на Тарханкут и мог в первом комплекте нырнуть на метров двадцать, чтобы, например, в бухте Большой Атлеш достать со дна камень. Это был прекрасный результат, если учесть, что от отпуска до отпуска он сидел за компьютером.

– На Чёрном не был, на Жёлтом был, а на Чёрном не был... – вдруг в завистью сказал капитан Игорь, – но мечтаю, варёные мухи.

Что-то человеческое проклюнулось в нём и тут же спряталось за внешним лоском.

– Дело сделаешь, съездишь, – сухо сказал Цветаев, намекая, что никакую границу с Крымом теперь пересекать не надо.

Я бы тоже смотался, подумал он, но вначале – к жене, вначале к Наташке. Возьму её. И снова почувствовал себя виноватым перед ней, таким виноватым, что порой это чувство затмевало в нём все остальные чувства, и он становился невменяемым, как сегодня.

– На, почитай, – Игорь бросил на стол брошюру: «Снайперская тактика в городе».

– Обязательно?

Цветаев, как ему показалось, тяжело посмотрел на капитана Игоря, капитан Игорь не отвёл взгляда, но и не возмутился. Блин, с ужасом подумал Цветаев, влип по уши. Насколько он прощал Пророка, настолько же невзлюбил капитана Игоря.

– А чтобы потом мне глупых вопросов не задавал, где бежать и куда падать.

– Что надумал делать? – Цветаев сделал вид, что пропустил колкость мимо ушей, на самом деле, он теперь только и ждал случая, чтобы вернуть должок.

Капитан Игорь принёс из коридора карту города и развернул её на столе.

Цветаев увидел, что капитан Игорь сильно косолапит, и понял, что он настоящий армеец, ходок на большое расстояние, ибо только косолапый человек может долго идти и не уставать.

– Фигурант прилетит на вертолёте сюда! – он ткнул пальцем в велотрек.

Капитан Игорь оказался аккуратистом: ноготь на пальце был без единой заусенца, аккуратно острижен и подпилен.

– Откуда ты знаешь?

– Знаю! А через день будет улетать отсюда же! Мы придём отсюда! – капитан Игорь показал на развалины «Зелёного театра». Кубинский сказал, что тебе знакомы эти места?

– Знакомы, – Цветаев из вредности ответил так, чтобы капитан Игорь рассчитывал на него не больше, чем на проводника.

Ясно было, что отходить они будут по воде, а это не самый удачный вариант. А если ранен? – подумал Цветаев, – или оружие утопим?

– Это на случай окружения, – сказал капитан Игорь, словно угадав его мысли. – Говорят, ты здесь лучший?

– Кто говорит? – Цветаев прикинулся дураком.

– Кубинский.

Болтун, подумал Цветаев и заявил:

– Враньё!

На самом деле, те инстинкты, которые другие оттачивали годами, были заложены в него от рождения. Так объяснил ему один человек, к которому он пришёл учиться умению выживать. Цветаев стажировался у него ровно два дня, на третий учитель сказал, что ему нечему его научить, что он тот человек, которого природа создает раз в сто тысяч лет. «Иди с миром и никогда не используй свой талант против человека», – сказал он ему. Но это было так давно, что Цветаев вспоминал те события юности так, словно они произошли с другим человеком. И порой ему казалось, что это красивая сказка, которая однажды приснилась ему, поэтому он никогда не делал скидку на своё шестое чувство и ещё на «что-то», что оберегло его. Он не знал, как правильно назвать это «что-то». Просто «оно» присутствовало всегда рядом с ним, проявляя себя только в те моменты, когда Цветаев готов был совершить непоправимую ошибку. Так в детстве он решил взорвать гранту, которую нашёл в лесополосе. Выдернул кольцо и бросил – естественно, по-детски недалеко. Граната прокатилась несколько метров и... не взорвалась. Цветаев ждал, ждал, ждал, ждал, а потом пошёл к ней, а когда уже был в паре шагов от неё, она просто исчезла. Это было белее чем удивительно, именно, исчезла, растаяла, покинула это пространство, а не взорвалась. На земле не осталось никакого следа. Самое странное, что Цветаев не испугался, он вообще ничего не понял и отнёсся к этому факту, как к странному, но вполне естественному устройству мира, ведь тогда он ещё только изучал этот мир и предположил, то иногда такие вещи происходят. И только с годами сообразил, что столкнулся с редким и неординарным явлением. Это, разумеется, не значило, что «по судьбе» он стал безоглядным везунчиком, отнюдь нет, но кое в чём ему, действительно, везло. Через год, когда погиб его пёс, он понял, что, Боги не избавляют его от страданий, что они дают свободу выбора.

– Служил? – прервал его воспоминания капитан Игорь.

Можно было соврать, но Цветаев врать не умел.

– Нет. Два месяца в Народной армии.

– Как же ты можешь быть лучшим? – усомнился капитан Игорь и посмотрел хитро-хитро, мол, чего соврёшь опять-то?

Это ещё ничего не значит, подумал Цветаев. А как же Сергей Журиков, напарник, звонарь из Лавры, у которого был позывной «Ромашка» и который погиб в начале мая под Славянском? Он тоже не служил, но был лучшим. Служить в армии ещё не всё значит, а всё значит только дух! Но, естественно, ничего об этом не сказал, ибо решил, что капитан Игорь его всё равно не поймёт, разные у них языки.

– Не знаю, мне всё равно, ляха бляха!

От возмущения Цветаев взял брошюру и демонстративно ушёл в комнату, чтобы завалиться на диван. В другой комнате Пророк, сидевший за дебилятор, скрипел зубами: у него были отбиты почки, и в плохую он плохо себя чувствовал, за окном, между прочим, как нагло, пошёл ливень, и Цветаеву на мгновение показалось, что в его шелесте он слышит голос жены. Он закрыл глаза и представил её в купальнике на берегу реки. У неё было чёрный закрытый купальник, и выглядела она в нём потрясающе.

Трудно сказать, когда он стал лучшим. Да и стали он им вообще? Просто ему везло. И других объяснений он не находил, забыв на долгие годы о случае с гранатой. Через пару месяцев вывешивания флагов ему опостыло ходить на демонстрации и срывать голос. Всё это походило на ожидание политиков, когда хунта их купит с потрохами. Тогда-то и пригодились его знания программиста: он воспользовался программой по перемещению свидетелей, которая меняла ай-пи адрес на компьютере в случайном порядке. Это называлось «прятаться в интернете». Главное было не ошибиться с именами и паролями. Раз никто не собирается воевать, я буду воевать в одиночку согласно принципу талиона⁴⁶, решил он, и начал вычислять лидеров майданутых в социальных сетях: фейсбук, контакте, твиттере. ЖЖ оставил на закуску. К его удивлению, майданутые всех мастей выкладывали о себе достаточно информации, чтобы их найти без труда. Первым он наметил Щ-ка из УНОА⁴⁷, любителя политики, пива и свежих девочек, и полностью сосредоточился на этом деле. Большое значение играли мелочи: неприметна внешность и соответствующая линия поведения, дешёвая дорожная сумка, и ничего, что могло бы вызвать подозрение, лишь один перочинный нож с коротким лезвием, чтобы резать в поезде колбасу. Ему бы выбрать родной город, где всё способствовало бы успеху, а он из принципа решил испытать себя. Сел в поезд и поехал. Южный город манил пляжами и морем. Цветаев действительно повалялся под солнцем три дня, чтобы ничем не выделяться на фоне редких отдыхающих, а потом пошёл по адресу и увидел фигуранта. Фигурант вышел из подъезда и, не проверяясь на предмет слежки, пошёл в ближайший бар, он сменял их штук двадцать по мере приближения к центру. В баре на Троицкой ему понадобилось отлить. Цветаев вошёл следом, убедился, что в туалете никого нет, кроме уроды Щ-ка, обхватил его левой рукой за челюсть, а ножом ударил в основание черепа. Раздался хруст, и Щ-к обмяк, не успев даже укусить Цветаева. Цветаев спокойно вышел, сел на поезд и вернулся в родной город. Нож он выкинул в море. Неделью его била дрожь. Он ощущал в руках агонию обмякшего тела. И это было не самое лучшее ощущение. А потом оно прошло, когда начали убивать за то, что ты просто русский, и никакие сомнения его уже не мучили. После известных событий в Одессе он семь раз ездил в этот город, всегда действовал в одиночку, поэтому о нём никто ничего не знал.

Он вспомнил ещё бой под Семёновкой, когда они попали в двойное окружение, и едва прорвались сквозь него, потеряв пятерых, он вспомнил, как три дня лежал в лесополосе под Славянгорском, выслеживая пиндоса. И выследил-таки. Никто не знал, что именно он, Цветаев, явился причиной заявления госдепа США о российских диверсантах, которые якобы уничтожили Майкла Роджерса, лучшего специалиста по минно-взрывному делу: его нашли в кустах над Северским Донцом, не спасла его и качанная-перекачанная шея. Потом

⁴⁶ Принцип наказания «око за око, зуб за зуб».

⁴⁷ Украинская национально-освободительная армия.

ещё было многое, разумеется, он стоял на баррикадах, ходил в разведку, но к оружию не питал доверия, не понимал его, не сроднился с ним, хотя помнил «левостороннее правило» – основу тактики боя любого пехотинца. Его коньком стала чистая «охота», только здесь себя он чувствовал как рыба в воде. Но однажды понял, что индивидуальная борьба не эффективна, и пришёл к Кубинскому, и он ему поверил, хотя они не виделись лет десять. Теперь он был здесь, в команде, в самом логове врага, но счастливей от этого не стал. Счастье, оно ведь не зависит от тебя. Оно или есть, или его нет, это состояние, а не замороженный факт.

– А за своим Орловым тоже с ножичком пойдёшь? – насмешливо спросил капитан Игорь, становясь в ленивую позу Геракла: нога за ногу и правая рука вбок.

Он успел переодеться в камуфляж «жаба» и выглядел настоящим армейцем.

– Слушай, отстань от меня! – с металлическими нотками в голосе попросил Цветаев.

– Знаю я твоего брата, – сплюнул на грязный пол капитан Игорь. – Варёные мухи!

Цветаев проводил взглядом спичку, которая ловко улеглась вдоль плинтуса. Когда они заняли эту квартиру, она была чистой и ухоженной, а теперь превратилась в пещеру. От ног оставались следы на полу.

– В смысле? – уточнил Цветаев.

Да он слон в комнате, только его никто не замечает. У него комплексов вагон и маленькая тележка, он боится меня, точно так же, как я его, сообразил Цветаев. И это маленькое открытие приободрило его.

– Не пойму, вроде взрослый человек... – капитан Игорь презрительно скривился.

– И что?.. – зло спросил Цветаев.

– А то, что это не война – ножичком-то, это как на медведя с рогатиной. Варёные мухи!

– Тебе какое дело?!

Цветаев удивился тому, что капитан Игорь угадал его тайные мысли. Это он только для вида хорохорился, изображая эстетизм охотника, а на самом деле, давно подумывал изменить тактику этой самой «охоты», дело оставалось за малым: подобрать верное оружие, даже его заинтересовала винтовка капитана Игоря, но показывать слабости было нельзя. Юность закончилась, понял он, надо измениться, и миг повзрослел.

– Мне, конечно, никакого дела до твоих выкрутасов нет, – размеренно произнёс капитан Игорь и засунул в рот новую спичку. – Однако выглядишь ты динозавром. Со мной этот фокус не пройдёт!

Цветаев собрался ответить особенно едко, мол, не тебе меня, пижон, учить, или что-то подобное, но в комнату стремительно вошёл Прок и сказал непререкаемым тоном:

– Хватит собачиться! – Вечереет, пора! – И с пониманием посмотрел на капитана Игоря, как бы говоря, извини, других провожатых нет.

* * *

Только бы не было дождя, подумал Цветаев. В дождь ему почему-то становилось тоскливо и одиноко.

Вышли в сумерках. Капитан Игорь нервно буркнул в локалку⁴⁸:

– Держись за мной! Варёные мухи!

И скользнул бесшумно, как призрак, между домами. Оказывается, пока Цветаев злился многоэтажно, он изучил карту и ориентировался в чужом городе, как у себя в кармане.

Цветаев, положившись на инструкции прикрывающего, трусил метрах в пяти правее, чтобы контролировать «неудобное» направление из «левостороннего правила». По его мнению, капитан Игорь навесил на него слишком много оружия: ну понятно, АК-74, как бы

⁴⁸ Локальная связь.

сам бог велел, бог велел тащить ещё и четыре магазина по шестьдесят патронов каждый, но зачем восемь коробок в ранце, столько же гранат и УДЗ?⁴⁹ Это уже потом Цветаев оценил предусмотрительность капитана Игоря, а вначале злился, места себе не находил, полагая, что капитан Игорь тихо над ним издевается. Даже Пророк покачал головой, глядя на их сборы:

– Словно на войну собираетесь...

Капитан Игорь ничего не ответил, только криво усмехнулся, мол, вы мне ещё спасибо скажете. Сам он, по мнению Цветаева, шёл налегке: с бесшумным пистолетиком на бедре, со своей винтовочкой, у которой ствол был таким толстым, что она походила на пулемет «Максим», с какими-то маленькими магазинами и с длинными, в палец, патронами, а ещё – с энным количеством банок пива. Цветаев сам видел, как капитан Игорь кинул их в ранец. Алкоголь, даже лёгкий, на «охоту» не брали. Это было табу, потому что любой алкоголь тормозит реакцию и «воняет». Но Пророк лишь пожал плечами и ничего не сказал, давай понять, что он не командир капитану Игорю и что у того своя голова на плечах. Цветаев хотел во очередной раз возмутиться, но передумал под строгим взглядом Пророка.

Вначале было тяжело, но минут через двадцать, когда они уже пересекли Лаврскую, Цветаев почувствовал, как втягивается в ритм: в поту, под хрипы в горле – ремни разгрузки уже не казались узкими, а фляга, которая хлопала по бедру, была даже мила, и всё потому что в неё налит сладкий-присладкий чай с лимоном, и к ней хотелось присосаться, как к любимой девушке.

Эспаланада⁵⁰ Славы встретила их абсолютным запустением. Похоже, здесь прошлись львонацисты и бандерлоги. Ввиду сгоревшей гостиницы «Салют» Цветаев и капитан Игорь миновали ряд заброшенных баррикад со следами бурой крови. Кто и за что здесь сражался, трудно было понять, скорее всего, кто-то из самообороны несознательных граждан попытался удержать свой квартал – следы недавнего восстания? Вначале они все были наивными: предвкушая ЕС, прыгали и ликовали вокруг майдана, потом рыдали и стонали, потом побежали с криком «Спасайтесь!», а ещё потом: «Мы завидуем вам... – сознавались они нехотя, – вы отвоевали свободу...», и лица у них были серыми от тоски и безысходности. Теперь их кости валяются в бурьяне, и вороны с карканьем растаскивали их по округе, и Киев, расколотый хунтой на части, упал к ногам ляхов, ждавших своего часа семьдесят пять лет.

Поговаривали ещё о группах «Очищения»⁵¹, которые занимались тем, что выявляли негодных и уничтожали их. Но это вовсе казалось дикостью в сытом, довольном Киеве, и Цветаев не верил.

Все молились на помощь с Востока, и эти бедняги тоже. Только у нас всё получилось, думал Цветаев, а у них – ничего, никто не пришёл, не потому что презирали за слабинку перед ляхами, а потому что были связаны по рукам и ногам, и надо было выбираться из дерьма самим, а не взывать к России, которая, хорошо хоть, помогала добровольцами и оружием.

После дождя воздух был пропитан запахами лета. Город вымер, и природа мгновенно взяла своё, благоухали все: блестящий Днепр, серый асфальт, голубое небо и даже крыши, не говоря уже об вездесущих одуванчиках и зарослях крапивы, в одночасье поглотившими обочины и поляны.

Ещё минут через десять, после пробежек не прямой, а по всякий закоулкам, они выскочили на Парковую возле «БонВизит-Тов» с огромной рекламой на фасаде здания. Заходящее солнце блестело в окнах, левобережье лежало в золотистой дымке, подкрашенной на горизонте чёрными дымами. И капитан Игорь, позволив Цветаеву приблизиться, спросил словно между прочим, взглядываясь в мост Патона:

⁴⁹ Запал для гранат РГН и РГО.

⁵⁰ Площадь.

⁵¹ Очищение.

– Злишься?

Нервное состояние капитана Игоря передалось Цветаеву. Он поймал себя на том, что стал чаще оглядываться по сторонам.

– А ты как думаешь? – через целое мгновение ответил он.

Даже Пророк не позволял себе таких вопросов, а этот: на тебе, пожалуйста, никакого такта. И он понял, что его специально дразнят.

– Это хорошо, – оценил капитан Игорь, жуя спичку, – на злых воду возят.

Цветаев только заскрипел зубами, капитан Игорь был невыносим, как теща, хотя у самого Цветаева теща, Вера Михайловна, была золотым человеком.

Одиноким велосипедист, крутя педалями, как сумасшедший, унёсся прочь. И всё потому что капитан Игорь велел нацепить жёлтые повязки майданутых. На углу «Арсенальной» из метро выскочили и спрятались назад какие-то личности с такими дикими рожами, что Цветаев вздрогнул. Где-то играла музыка, но людей не было видно. У красной башни в зубцами стояла машина бандерлогов с сине-жёлтым флажком. Капитан Игорь долго рассматривал её сквозь оптику.

– Так, дальше не пойдём, – сказал он так, словно знал тайну, но не особенно доверял Цветаеву.

– Дальше и не стоит, – согласился Цветаев, и его удивила то, что капитан Игорь с первого взгляда определил границу дозволенного: идти открыто не стоило, начинались посты львонацистов, воюющих под желто-голубым флагом дайнов.

Здесь, как в книжных «зонах», никто и никогда не ходил по прямой. Можно было предположить, что в преддверии явления эмиссара Еврокомиссии графа Сморчевского-Потоцкого, окрестности напичканы львонацистами и местными бандерлогами. Одной из причин того, что Цветаев перестал пользоваться «Зелёным театром» было то, что в высотке на проспекте Аскольда появился снайпер с позывными «ракале»⁵². Да не обычный, а какой-то искусник-самоучка: стрелял по такси на набережной и исключительно в голову таксистам. Позывные специально придумывали себе так, чтобы в них присутствовала буква «р», в условиях боя и помех звук «р» особенно хорошо слышан. Сами майданутые говорили, что «ракале» псих, что с ним никто не хотел идти в паре. Этим и воспользовался напоследок Цветаев: трое судок караулил в засаде, а на четвертые взял во время стрельбы, когда снайпер на несколько секунд становится глухим. Это оказался убелённый сединами дядька, естественно, с оселедцем на бритой, круглой голове и с вислыми усами «аля-запорожская сечь». В кармане у него Цветаев нашёл крестик и католический требник. «Ракале» оказался неистово верующим, потому что после каждого удачного выстрела горячо молился и крест-накрест целовал требник. На запястье у него было выколото: «Слухай Бога, і все буде добре!»⁵³

Поэтому когда они зашли за высотку, Цветаев всё чаще оглядывался на неё: не появился ли там новый «ракале-психопат», хотя, естественно, никого разглядеть не мог.

– Видишь? – капитан Игорь нервно оскалился и сунул Цветаеву винтовку.

И действительно, через оптику Цветаев даже различил у бандерлога наколку «свастика» на правой руке. Бандерлог неприкаянно слонялся на опушке парка, обнимая автомат, как пустую бутылку. Хорошая винтовка, оценил Цветаев, мне б такую: лёгкая и удобная, сама в руку ложится. Он на мгновение позже, чем надо, вернул её капитану Игорю.

– Иногда минута войны может изменить всю жизнь, – загадочно произнёс капитан Игорь.

⁵² Ракалий – негодяй.

⁵³ Слушай Бога, и всё будет хорошо!

И хотя нерв его речей несколько ослаб, Цветаев кожей чувствовал, что капитан Игорь прав, что именно в таком состоянии, когда обостряются все чувства, когда ты закручиваешь в себе эту самую пружину, можно идти на дело. Уважаю, почему-то подумал он, уважаю, и согласился:

– Ну да, если попрусь через парки, то нас, как пить дать, подстрелят.

Капитан Игорь внимательно посмотрел на него, должно быть, воспринял его слова как насмешку и сказал абсолютно другим голосом.

– Не кажется ли тебе, что он как-то демонстративно шляется? Варёные мухи!

– А бог его знает, – ответил Цветаев, почесав шрам на груди, – может, пьяный?

Он уже давно понял, что на рукоблудной войне гадать, себе дороже, потому что многое зависит от случайностей, нет смысла ломать голову, что будешь делать при таких-то и таких-то обстоятельствах, легче положиться на интуицию. В данном случае интуиция говорила, что не происходит ничего из ряда вон выходящего, всё, как всегда, всё, как обычно: бандерлогам скучно, вот они и искушают судьбу – подставляются под случайную пулю, тоже занятие для майданутого.

– Дальше води сам, – сказал капитан Игорь, перекладывая спичку справа налево.

– Есть, вести самому, – уныло ответил Цветаев.

Он вдруг подумал, что капитан Игорь хотел сказать ему что-то важное, но не сказал, мешала враждебность между ними.

– Э-э-э... – окликнул его капитан Игорь, – только без фанатизма. Нам ещё живыми вернуться надо.

Он загонял его между чувством долга и желанием сбежать куда глаза глядят. А фиг тебе, решил Цветаев, не на того напал, доведу и помогу, чем могу, а на большее на рассчитывай, имея ввиду дружбу и доверительные отношения, такие, какие у него были с Пророком или с Гектором Орловым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.